П. Сергѣенко.

Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой.

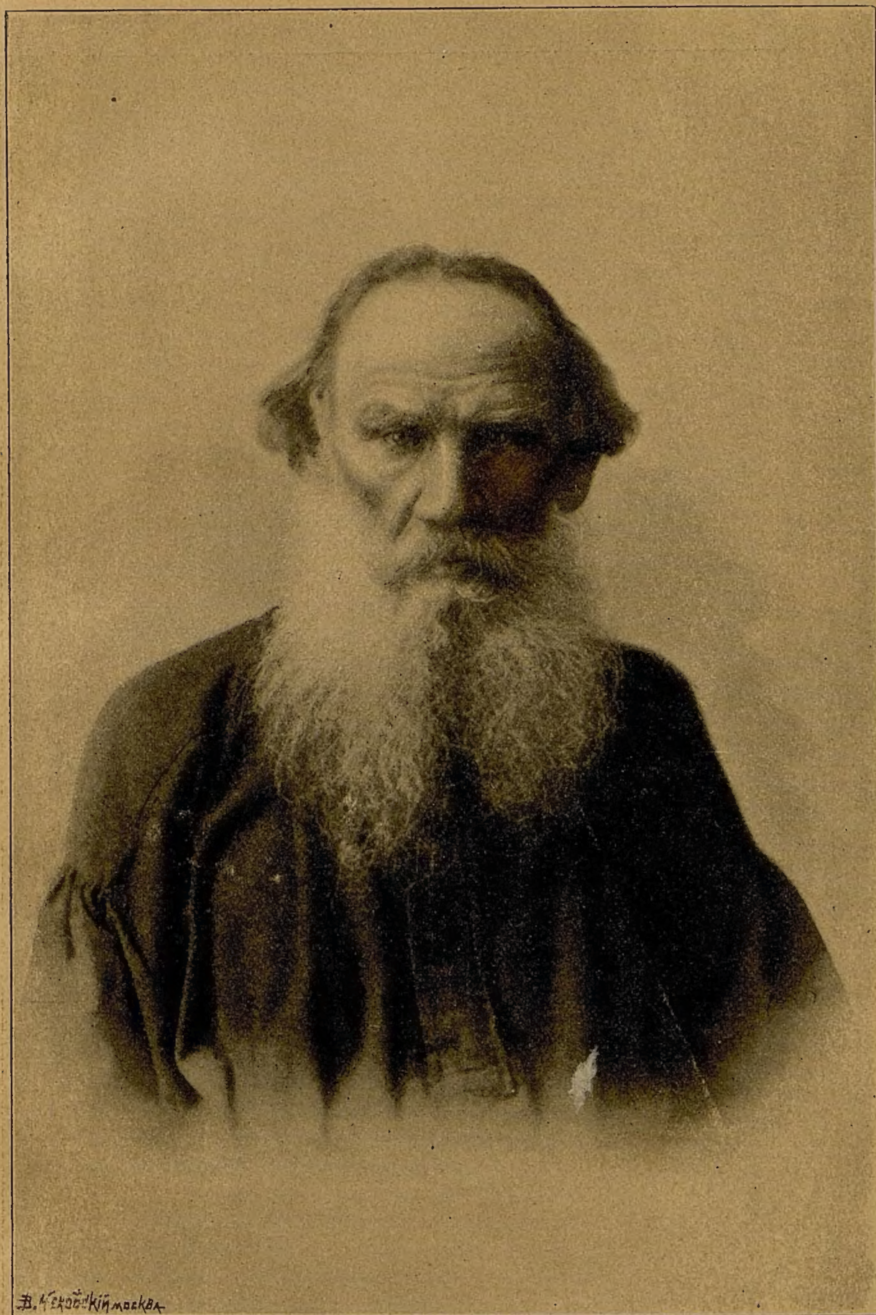
МОСКВА.
Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул., с. д.
1898.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 сентября 1898 г.

Клише исполнены въ художественной мастерской
В. Чеховскаго въ Москвѣ.

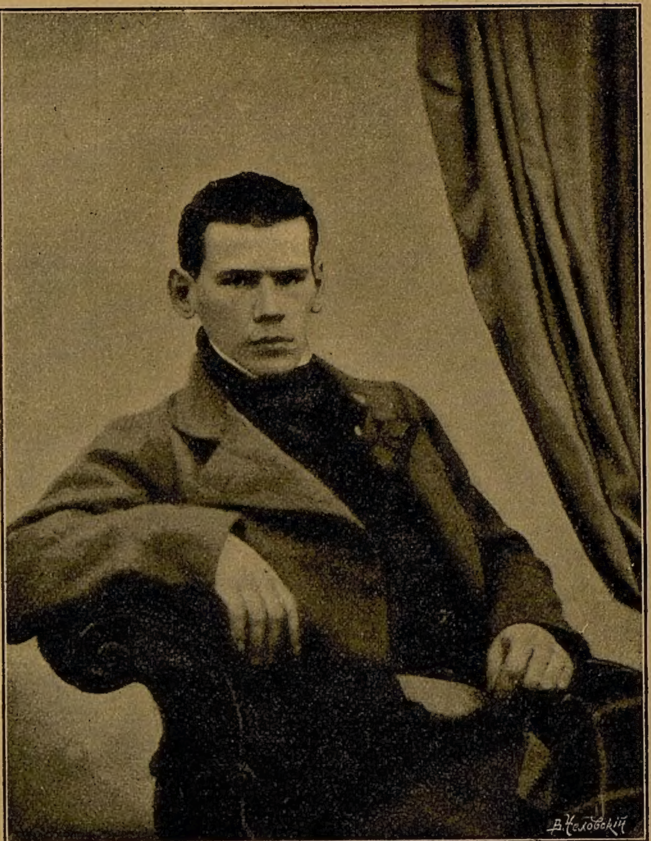

Левъ Толстой

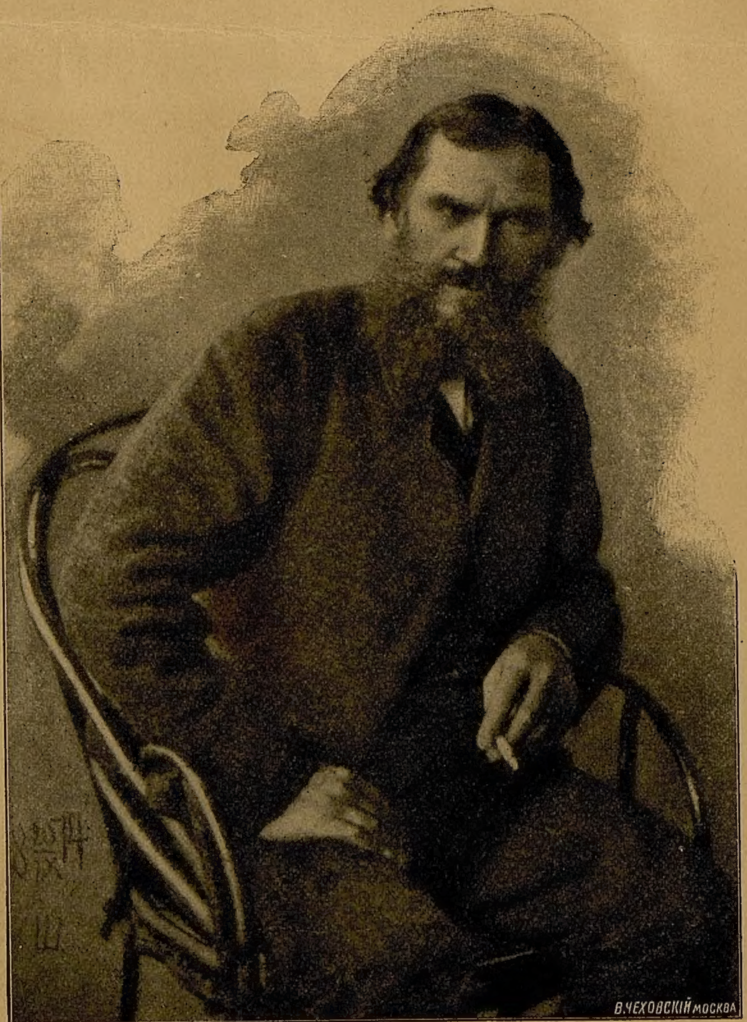
(1896 г.).

Гр. Л. Н. Толстой со своею семьей въ Ясной Полянѣ (1892 г.).

Гр. Л. Н. Толстой
съ дагерротипа (1848 г.)

Гр. Л. Н. Толстой
(1874 г.)

1) Домъ, въ которомъ родился гр. Л. Н. Толстой. 2) Комната, въ которой родился Л. Н. 3) Дѣтская и комната няни. 4) Внутренній видъ дома. 5) Классная и спальня.

Гр. Л. Н. Толстой со своею семьей въ Ясной Полянѣ (1892 г.).

I.

Зимой 1892-го года, часовъ около 4-хъ дня, я сидѣлъ у моихъ знакомыхъ А-выхъ, пріѣхавшихъ наканунѣ въ Москву изъ своего южнаго имѣнія. Кромѣ меня было еще нѣсколько человѣкъ гостей, сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ и оживленно бесѣдовавшихъ объ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Льва Толстого.

На дворѣ моросилъ снѣгъ, и въ комнату начали надвигаться сумерки.

Въ самый разгаръ бесѣды въ комнату вошелъ средняго роста худощавый старикъ, съ типическимъ лицомъ русскаго крестьянина. Онъ былъ въ овчинномъ полушубкѣ и валенкахъ. Пришедшій сказалъ «здравствуйте» и, снявъ съ головы войлочную шапку, началъ распутывать на шеѣ шерстяной шарфъ.

От стола, за которымъ мы сидѣли, было видно плохо до двери, и А-вы съ любопытнымъ недоумѣніемъ вглядывались въ пришедшаго.

Вдругъ лицо хозяйки засіяло радостью, и она сказала на распѣвъ:

— Левъ Николаевичъ! Здравствуйте...

Всѣ поднялись.

Это былъ гр. Л. Н. Толстой.

Онъ развязалъ шарфъ и быстрымъ молодымъ движеніемъ скинулъ съ себя полушубокъ, отыскивая острыми глазами, гдѣ бы его положить.

Я впервые видѣлъ Л. Н. Толстого и невольно приковался къ нему взглядомъ. Онъ былъ въ темно-сѣрой фланелевой блузѣ съ отложнымъ просторнымъ воротомъ, открывавшимъ при поворотахъ головы жилистую шею. Отъ быстрой ходьбы на морозномъ воздухѣ онъ дышалъ учащенно, и его сѣдые волосы спутались на вискахъ влажными космами. Онъ имѣлъ бодрый, оживленный видъ, держался прямо и двигался быстрыми, мелкими шагами, почти не сгибая колѣнъ, что напоминало движенія человѣка, скользящаго по льду. Онъ казался не моложе и не старше своихъ лѣтъ (тогда ему было 64 г.) и производилъ впечатлѣніе хорошо сохранившагося, энергичнаго крестьянина. И лицо у него было крестьянское: простое, деревенское, съ широкимъ носомъ, обвѣтренной кожей и густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ зорко выглядывали маленькіе, сѣрые, острые глаза.

Но выраженіе глазъ его было необыкновенно и невольно привлекало вниманіе. Въ нихъ какъ бы сконцентрировались всѣ яркія примѣты толстовской личности. И кто не видѣлъ, какъ вспыхиваютъ и загораются его глаза, какъ они пріобрѣтаютъ вдругъ какой-то сверлящій и пронизывающій характеръ, тотъ не можетъ имѣть полнаго представленія о внѣшности Л. Н. Толстого.

Большинство портретовъ хотя и довольно удачно передаютъ его внѣшнія черты, и по нимъ сразу можно узнать Л. Н. Толстого, но ни одинъ изъ нихъ, однако, не даетъ яркаго понятія о сердцевинѣ его личности, не передаетъ тѣхъ скрытыхъ въ человѣкѣ свѣтовыхъ источниковъ, которые, отражаясь въ извѣстные моменты на лицѣ, озаряютъ его свѣтомъ внутренней жизни. Недостатокъ этотъ на портретахъ Л. Н. Толстого долженъ быть занесенъ отчасти и на его счетъ. По свойствамъ своей живой, нервной, нетерпѣливой натуры онъ представляетъ трудную задачу для художника. Художникъ долженъ *носить въ себѣ* извѣстное запечатлѣнное выраженіе, а не искать его еще разъ во время самой работы.

Повѣсивъ полушубокъ, Л. Н. Толстой направился къ намъ и началъ здороваться. Несмотря на его скромный нарядъ, въ Львѣ Николаевичѣ сейчасъ же чувствовался, однако, человѣкъ высшаго круга: хорошо воспитанный, съ выработанными, не принужденными манерами.

Насъ познакомили.

Л. Н. Толстой слегка наклонился, какъ бы стараясь вглядѣться въ лицо, и сказалъ съ учтивостью:

— Вы извините меня, что я не написалъ вамъ ничего по поводу присланной вами статьи вашей.

Предъ этимъ за нѣсколько мѣсяцевъ я послалъ Л. Н. Толстому мою статью объ одномъ священникѣ, который проповѣдями искоренялъ въ народѣ пьянство.

При этомъ я написалъ Льву Николаевичу нѣсколько строкъ о симпатичной личности священника. Меня пріятно удивило, что онъ не забылъ при своихъ обширныхъ занятіяхъ ни моего скромнаго труда, ни моей фамиліи, и я сказалъ:

— Вѣроятно, у васъ были причины на это.

— Да, да, вы правы,—отвѣтилъ онъ, садясь и указывая мнѣ мѣсто около себя. — По вопросу, который вы затронули въ вашей статьѣ, надо говорить очень много. Времени же у меня тогда не было, и я рѣшилъ по пріѣздѣ въ Москву какъ нибудь зайти къ вамъ и побесѣдовать.

И, взявши въ руку лежавшій на столѣ карандашъ и быстро завертѣвъ его въ своихъ пальцахъ, Левъ Николаевичъ свободно заговорилъ о томъ, что́ меня тогда наиболѣе интересовало. Говорилъ онъ непринужденно, умно и о́бразно, тѣмъ же богатымъ колоритнымъ языкомъ, какимъ пишетъ, легко аргументируя и легко разбираясь въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ. Возражать ему было трудно. Въ его распоряженіи находился какъ бы цѣлый арсеналъ яркихъ, смѣлыхъ, оригинальныхъ и совершенно неожиданныхъ аргументовъ съ мѣткими сравненіями и юмористическими вставками, вызывавшими невольный смѣхъ. Но съ нѣкоторыми изъ его положеній я все-таки никакъ не могъ согласиться и пробовалъ возражать. Онъ, не переставая вертѣть карандашъ, на лету разбивалъ мои возраженія и поспѣшно выдвигалъ свои, дышавшія находчивостью,

силою и страстностью. Разговоръ наконецъ сдѣлался общимъ и перешелъ на другія темы.

Коридорный слуга принесъ кипѣвшій самоваръ. Г-жа А-ва предложила Льву Николаевичу чаю, но онъ категорически отказался и бросилъ недружелюбный взглядъ на батарею банокъ съ вареньемъ, стоявшихъ на столѣ; затѣмъ перенесъ свой взглядъ на добродушное лицо хозяйки, и его суровыя черты смягчились. Онъ дружескимъ тономъ заговорилъ о ея работахъ изъ шерсти (во время бесѣды она приготовляла пряжу) и о вегетаріанской кухнѣ, которую А-ва проектировала устроить въ Москвѣ. Встрѣтившись съ моимъ взглядомъ, Левъ Николаевичъ началъ говорить о преимуществахъ растительной пищи и совѣтовалъ мнѣ перестать ѣсть мясо; потомъ онъ обратился къ А-ву по поводу новыхъ вѣяній въ области права (А-въ—юристъ-теоретикъ, погруженный въ юридическія науки), затѣмъ постепенно заговаривалъ съ каждымъ изъ присутствующихъ о томъ, что наиболѣе интересовало ихъ, видимо боясь, какъ бы не пропустить кого-нибудь своимъ вниманіемъ.

Рѣчь зашла объ одномъ изъ его сыновей, который въ то время подыскивалъ себѣ имѣніе для покупки. Одинъ изъ присутствующихъ сказалъ:

— Левъ Николаевичъ, скажите вашему сыну, когда онъ остановится на какомъ-нибудь имѣніи, чтобы онъ обратился ко мнѣ. Я дамъ ему необходимыя указанія, иначе онъ можетъ надѣлать глупостей...

Л. Н. Толстой сдвинулъ плечами.

— Зачѣмъ мѣшать ему? Чѣмъ больше онъ надѣлаетъ глупостей, тѣмъ для него же лучше.

Я не понялъ смысла этихъ словъ и спросилъ:

— Почему же для него будетъ лучше?

— Потому, что чѣмъ онъ раньше набьетъ оскомину на имѣніяхъ и убѣдится, наконецъ, на личномъ опытѣ, что ничего хорошаго изъ этого не выходитъ, тѣмъ скорѣе придетъ къ пониманію того, что землю выгодно имѣть только тому, кто самъ обрабатываетъ ее.

— Хорошо, если такъ выйдетъ, — замѣтилъ я. — Но не всегда неудачи ведутъ насъ прямо къ истинѣ. Иногда

онѣ только озлобляютъ человѣка и искажаютъ его характеръ.

Изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей Л. Н. Толстого сверкнулъ острый взглядъ.

— Мой сынъ находится не на такой дорогѣ, — отрывисто произнесъ онъ.

И мнѣ показалось, что между нами надвинулась какая-то тѣнь.

Исчерпавъ вопросъ о покупкѣ имѣнія, Левъ Николаевичъ положилъ карандашъ на столъ и сложилъ руки—пальцы между пальцами. Его нависшія брови опустились еще ниже и лицо приняло замкнутое выраженіе. Бесѣда, видимо, утомила его, и онъ только изъ учтивости дослушивалъ своего собесѣдника. Когда тотъ кончилъ, Л. Н. спросилъ, который часъ, и поднялся.

Но предъ его уходомъ произошелъ характерный эпизодъ. Въ разговорѣ съ однимъ изъ присутствующихъ Л. Н. упомянулъ объ извѣстной книгѣ Берты Суттнеръ—*Долой оружіе!* и сказалъ:

— Вы конечно читали эту книгу?

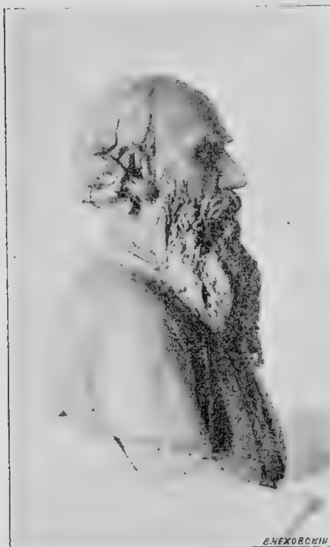
Тотъ утвердительно кивнулъ головою. Но должно быть его начала мучить совѣсть, что онъ сказалъ неправду Льву Толстому, и онъ пробормоталъ:

— Левъ Николаевичъ, содержаніе книги *Долой оружіе!* мнѣ дѣйствительно извѣстно... но самой книги я еще не читалъ.

Л. Н. Толстой замялъ разговоръ и началъ прощаться. Но мнѣ показалось, что его очень тронуло признаніе собесѣдника, и онъ вполнѣ оцѣнилъ значеніе побѣды, которую тотъ одержалъ надъ собою.

Надѣвъ полушубокъ, Левъ Николаевичъ плотно застегнулся и, оправившись по-крестьянски—движеніемъ плечъ, началъ надѣвать и хвалить подаренныя ему г-жей А-вой варежки изъ козьей шерсти; затѣмъ сдѣлалъ общій поклонъ и ускореннымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ спѣшилъ домой, къ обѣду, и ему надо было пройти нѣсколько верстъ до Хамовническаго переулка, гдѣ онъ жилъ. На извозчикахъ онъ не любитъ ѣздить и прибѣгаетъ къ нимъ только въ исключительныхъ случаяхъ.

Л. Н. Толстой (съ гипсоваго бюста работы И. Рѣпина).

II.

Черезъ недѣлю послѣ моей первой встрѣчи съ Л. Н. Толстымъ я воспользовался его приглашеніемъ и часовъ около 8-ми вечера поѣхалъ вмѣстѣ съ А-выми въ Долго-Хамовническій переулокъ, гдѣ зимою живутъ Толстые. Они занимаютъ отдѣльный двухъэтажный деревянный домъ, принадлежащій одному изъ сыновей Льва Николаевича, графу Льву Львовичу.

Небольшой двухъэтажный особнякъ, къ которому мы подъѣхали, стоялъ во дворѣ и выдѣлялся темною массой на бѣловатомъ фонѣ стариннаго сада, усыпаннаго инеемъ. Внѣшняя парадная дверь и вторая съ тугимъ упругимъ блокомъ не были заперты. По невѣдѣнію я оставилъ эту дверь и она произвела оглушительный стукъ, на который вышелъ учтивый лакей во фракѣ и началъ снимать съ насъ верхнее платье.

А-вы отчасти знали порядки въ домѣ Толстыхъ и думали, что въ этотъ вечеръ, кромѣ насъ, никого не будетъ.

Но въ прихожей на вѣшалкѣ было много верхняго платья, а справа, на залавкѣ и на подзеркальникѣ, пестрѣли всякаго рода шапки, шапочки и форменныя фуражки. Слуга мягко спросилъ насъ, къ кому мы пожаловали—къ графу или графинѣ.

А-вы заявили, что къ графу. Слуга доложилъ о насъ и черезъ минуту вернулся съ приглашеніемъ отъ графа.

На площадкѣ широкой лѣстницы съ однимъ загибомъ насъ встрѣтила одна изъ дочерей Льва Николаевича. Она непринужденно, какъ съ хорошими знакомыми, поздоровалась съ нами и повела чрезъ большой залъ, гдѣ сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ. Изъ зала мы вошли въ узкій коридоръ, спустились на нѣсколько ступеней и очутились въ небольшой низкой комнатѣ съ желѣзною трубой, тянувшеюся подъ потолкомъ. Устройство этой трубы принадлежитъ одному изъ знакомыхъ Л. Толстого; особенность ея заключается въ томъ, что она при помощи одной лампы отлично вентилируетъ и отчасти согрѣваетъ рабочій кабинетъ.

Левъ Николаевичъ сидѣлъ у небольшого письменнаго стола, поджавъ подъ себя ногу, и что-то писалъ при свѣчѣ. При нашемъ появленіи онъ всталъ и началъ привѣтливо здороваться, поднимая иногда высоко руку и мягкимъ движеніемъ опуская ее; затѣмъ онъ усадилъ насъ и заговорилъ о лежавшей передъ нимъ раскрытой книгѣ, которую онъ читалъ послѣ обѣда. Это была новая французская книга о соціальныхъ вопросахъ. Она нравилась ему по слогу и по нѣкоторымъ отдѣльнымъ мыслямъ, но въ общемъ не удовлетворяла его. И онъ началъ пояснять, почему именно она не удовлетворяетъ его.

Л. Н. Толстой (аквар. П. Рѣпина).

Въ кабинетѣ отъ одной свѣчи было темновато, и углы тонули въ сумракѣ. Я невольно окидывалъ взглядомъ

комнату, гдѣ возникло и создалось столько безсмертныхъ образовъ.

Это была небольшая, почти квадратная комната безъ всякихъ украшеній, съ низкимъ потолкомъ и широкими окнами, выходившими въ садъ. Возлѣ одного окна стоялъ небольшой простенькій столъ съ бумагами и книжный шкапъ на половину пустой.

Библіотека Льва Николаевича находится въ Ясной Полянѣ, въ Москвѣ же онъ держитъ только справочныя книги, касающіяся того предмета, надъ которымъ онъ работаетъ. Въ другомъ углу кабинета находился широкій диванъ, обитый клеенкой, около дивана стоялъ небольшой круглый столъ и нѣсколько креселъ—вотъ и все убранство кабинета, напоминавшаго своею простотой рабочую комнату Паскаля, къ которому Л. Толстой вообще относится съ глубокимъ уваженіемъ и во многомъ является послѣдователемъ французскаго философа какъ со стороны привычекъ, такъ и въ области мышленія.

Нѣкоторое время я никакъ не могъ оріентироваться, на какой высотѣ отъ земли мы находимся, потому что путь къ кабинету былъ довольно сложный.

Впослѣдствіи я узналъ, что кабинетъ Льва Николаевича находится какъ бы между небомъ и землею. Дѣло въ томъ, что когда въ началѣ 80-хъ годовъ шла перестройка всего дома, то Левъ Николаевичъ не хотѣлъ отдавать свой кабинетъ въ жертву богу роскоши, увѣряя графиню, что многіе полезнѣйшіе дѣятели живутъ и работаютъ въ несравненно худшихъ помѣщеніяхъ, чѣмъ онъ. Кабинетъ былъ оставленъ въ прежнемъ видѣ, но это испортило боковой фасадъ дома, выходящій въ садъ. Зато въ отношеніи тишины и спокойствія кабинетъ только выигралъ отъ этого. Удаленный отъ уличнаго шума и жилыхъ комнатъ, онъ всегда полонъ тишины, располагающей къ размышленію. Въ большомъ старомъ саду, куда выходятъ окна кабинета, зимою устраивается катокъ и тамъ же имѣется, между прочимъ, колодецъ съ чистою хорошею водой, откуда Левъ Николаевичъ, за неимѣніемъ подъ руками другой физической работы, качаетъ воду и подвозитъ въ бочкѣ для домашнихъ надобностей.

Левъ Николаевичъ былъ въ отличномъ расположеніи духа.

На его незакрытыхъ усами и красиво очерченныхъ губахъ поминутно скользила улыбка, сопровождаемая юмористическими вставками.

До знакомства съ нимъ я, по его портретамъ, всегда считалъ Л. Н. Толстого человѣкомъ замкнутымъ въ себѣ и нѣсколько мрачнымъ. Это невѣрно. Онъ очень общителенъ, разговорчивъ, любитъ шутку, высоко цѣнитъ юморъ и охотно прибѣгаетъ къ нему.

Во время бесѣды въ кабинетъ вошла одна изъ дочерей Льва Николаевича и сказала:

— Папа, пріѣхалъ N и ждетъ тебя, чтобы прочесть обѣщанную статью.

Левъ Николаевичъ поднялся и обратился къ намъ:

— Не уходите, пока я приду. Вотъ новые журналы... Вотъ интересная рукопись одного простого рабочаго... А я пойду слушать чепуху, которую написалъ N.

Меня нѣсколько удивило предсказаніе Льва Николаевича относительно работы N, который считался однимъ изъ наиболѣе талантливыхъ русскихъ писателей.

Минутъ черезъ 40 Левъ Николаевичъ вернулся въ сопровожденіи двухъ новыхъ посѣтителей и былъ замѣтно возбужденъ, напоминая нѣсколько собою человѣка, вырвавшагося изъ неволи.

— Я такъ и думалъ,—началъ онъ нѣсколько раздосадованнымъ тономъ, — что N угоститъ насъ чепухой. Но его новая чепуха ужъ совершенно ни съ чѣмъ несообразна. А между тѣмъ видно, что онъ затратилъ на нее не мало усилій и ума. И какое въ сущности это удручающее явленіе! — проговорилъ грустнымъ тономъ Левъ Николаевичъ. — Если бы не грѣшно было, такъ и хочется иногда сказать съ укоромъ: «Господи, почему Ты предъ однимъ человѣкомъ открываешь многое, и оно понятнѣе для него, чѣмъ дважды два—четыре? Предъ другими же Ты закрываешь все. И во всемъ ихъ существѣ нѣтъ ни одной щелочки, куда бы могъ проникнуть Твой свѣтъ?..»

У двери послышался шелестъ платья, и въ кабинетъ вошла легкою и быстрою походкой жена Льва Николаевича, гра-

финя Софья Андреевна. Она пришла, чтобы пригласить гостей своего мужа наверхъ, къ «большому» чаю, который назывался такъ въ отличіе отъ «дѣтскаго» чая.

Гр. С. А. Толстая.

Графиня Софья Андреевна, урожденная Берсъ, на 16 лѣтъ моложе своего знаменитаго мужа. Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, ей было 48 лѣтъ. Несмотря на то, что у нея было 13 душъ дѣтей, она на видъ еще очень моложава и полна жизни. У нея открытое, выразительное лицо съ живыми, смѣлыми глазами, которые она постоянно приближаетъ къ предметамъ, на которые смотритъ. Съ первыхъ же ея словъ въ ней чувствуется непосредственная натура. Въ обращеніи ея нѣтъ и тѣни подлаживанія подъ чей-нибудь тонъ, а постоянно слышится своя собственная нотка.

Она радушно пригласила всѣхъ къ чаю и, оживленно разговаривая съ А-вой о какомъ-то хозяйственномъ вопросѣ, повела насъ наверхъ.

И когда она шла, повернувъ вполоборота свою все еще красивую голову, когда обращалась къ мужу съ словомъ: *Лёвочка*, или вставляла въ разговоръ какое-нибудь замѣчаніе, сейчасъ же чувствовалось, что здѣсь царитъ если не гармонія, то полная независимость въ отношені-

яхъ, и у всякаго имѣется свое собственное самостоятельное положеніе.

Большой высокій залъ, въ который мы вошли, былъ также лишенъ украшеній. Почти посрединѣ комнаты стоялъ длинный широкій столъ, накрытый бѣлою скатертью (приготовленный для чаю), и рядъ стульевъ. У входа въ залъ съ правой стороны стояли рояль и небольшой диванъ съ овальнымъ столомъ. Вся мебель старинная, краснаго дерева. Вотъ и все убранство. Не было ни картинъ, ни ковровъ, ни мягкой мебели.

Но комната не казалась пустой или запущенной. Скорѣе чувствовалась во всемъ какая-то неуловимая благородная простота. Ничто ни съ какой стороны не выступало угломъ и не металось въ глаза. Напротивъ и обстановка, и хозяева, и гости — все имѣло какой-то особенный непринужденный и безыскусственный характеръ.

Въ концѣ стола шумѣлъ никелированный самоваръ и стояли чашки, сливки, сухое печенье. Изъ сосѣдней комнаты, откуда виднѣлась болѣе богатая обстановка, слышались молодые голоса взрывы смѣха и звуки струнныхъ инструментовъ.

У Толстыхъ очень большая семья и огромный кругъ знакомства. Въ описываемое время семья Льва Николаевича состояла изъ 6 сыновей и 3 дочерей. Молодое поколѣніе постоянно стягивало вокругъ себя своихъ товарищей, родственниковъ и подругъ, вслѣдствіе чего въ домѣ у Толстыхъ всегда получалось такое впечатлѣніе, какъ будто у нихъ назначенъ любительскій спектакль и цѣлый цвѣтникъ молодежи готовится къ этому событію, наполняя весь домъ шумнымъ оживленіемъ, въ которомъ иногда принимаетъ дѣятельное участіе и Левъ Николаевичъ. Особенно если возникаетъ какая-нибудь забава, требующая движенія, выносливости или проворства, тогда Л. Н. поминутно будетъ поглядывать на играющихъ и участвовать душою въ ихъ удачахъ и неудачахъ; часто онъ и самъ не выдерживаетъ и вмѣшивается въ игру, обнаруживая при этомъ еще столько молодого жара и мускульной гибкости, что часто даже завидно дѣлается, когда глядишь на него. Кромѣ этого, у Л. Н. Толстого есть еще одна характерная особенность: что бы ни дѣлалъ онъ, бѣгаетъ ли взапуски съ молодежью, тачаетъ

ли сапоги, или сидитъ на велосипедѣ, онъ никогда, ни въ какомъ положеніи *не бываетъ смѣшонъ.*

Познакомивъ насъ съ гостями, Левъ Николаевичъ направился въ уголъ къ овальному столу. Его появленіе вызвало замѣтное оживленіе и, какъ магнитомъ, начало притягивать къ нему. Графиня сѣла за самоваръ и, оживлённо бесѣдуя, наливала чай въ широкія, толстыя чашки.

Левъ Николаевичъ чаю не пилъ, а попозже ѣлъ жидкую овсянку, которая часто замѣняетъ ему и чай, и ужинъ. Онъ былъ уже не тотъ, что въ кабинетѣ. Пріятность и веселость какъ бы соскочили съ него и, казалось, что онъ даже нѣсколько постарѣлъ, пока дошелъ изъ кабинета въ залъ. Когда онъ утомляется или бываетъ чѣмъ-нибудь недоволенъ, щеки у него вваливаются и лицо принимаетъ нѣсколько мрачный характеръ, который преимущественно и передается на портретахъ.

Одинъ изъ присутствующихъ отъ кого-то слышалъ, будто Л. Н. Толстой хочетъ опять приняться за своихъ *Декабристовъ*, и спросилъ его объ этомъ.

— Нѣтъ, я навсегда оставилъ эту работу,—отвѣтилъ Левъ Николаевичъ неохотно.

Наступила пауза.

— ...потому что не нашелъ въ ней того, чего искалъ, т.-е. общечеловѣческаго интереса. Вся эта исторія не имѣла подъ собою корней, — добавилъ онъ съ оттѣнкомъ усилія въ голосѣ, чтобы только устранить неловкость молчанія.

Онъ не любитъ, когда его начинаютъ исповѣдывать относительно его плановъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что *Войну и миръ* онъ написалъ какъ бы случайно, въ видѣ вступленія къ *Декабристамъ*. Произошло это такимъ образомъ. Задумавши писать *Декабристовъ*, онъ началъ изучать эпоху, предшествующую ихъ дѣятельности, и ради этого даже познакомился съ знаменитымъ Ермоловымъ и былъ у него. Событія 1805-го года и отечественная война 12-го года приковали къ себѣ художественное чутье великаго писателя. Онъ началъ группировать нѣкоторые эпизоды и какъ бы склепывать ихъ фактами изъ своей семейной хроники.

И чѣмъ больше углублялся «взыскательный художникъ» въ изученіе историческихъ матеріаловъ, тѣмъ больше расширялся планъ его новой работы, которая, наконецъ, завладѣла имъ и взяла у него 5 лѣтъ напряженнаго умственнаго труда. Но то, что напечатано Львомъ Толстымъ, представляетъ собою только небольшую часть задуманной и написанной имъ работы. Всѣ черновики *Войны и мира* чуть не погибли. Во время тяжелой и продолжительной болѣзни гр. Софьи Андреевны бумаги эти были, по небрежности домашнихъ лицъ, выброшены изъ кладовой и пролежали нѣсколько мѣсяцевъ въ канавѣ. Только благодаря неутомимой энергіи и заботливости графини С. А. Толстой, драгоцѣнные документы были собраны, приведены въ порядокъ и теперь находятся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ.

Послѣ *Декабристовъ* разговоръ перешелъ на другой неоконченный романъ Л. Н. Толстого — *Петръ Великій*. Работу эту Левъ Николаевичъ совершенно оставилъ.

— Многое оказалось для меня въ этомъ дѣлѣ слишкомъ смутнымъ и отдаленнымъ,—сказалъ онъ.—Декабристовъ нѣкоторыхъ я все-таки зналъ лично и могъ пользоваться ихъ указаніями. Тутъ же пришлось бы очень ужъ многое сочинять. Главное же — изученіе источниковъ совершенно измѣнило мой взглядъ на Петра I. Онъ утратилъ для меня прежній интересъ.

Одинъ изъ присутствующихъ коснулся «послѣ-декабрьской», освободительной эпохи и заговорилъ о братьяхъ Аксаковыхъ, Катковѣ, Грановскомъ, Герценѣ и др., которыхъ всѣхъ Л. Н. Толстой зналъ лично. При имени Герцена Левъ Николаевичъ оживился и разсказалъ, какъ видѣлся съ нимъ въ Лондонѣ. Установилось мнѣніе, будто Л. Толстой не признаетъ въ Герценѣ литературнаго дарованія. Это невѣрно. Напротивъ, именно литературный даръ его онъ и цѣнитъ-то очень высоко. И когда вопросъ коснулся этого, то въ усталомъ голосѣ Льва Николаевича вдругъ зазвучала горячая и юношески-свѣжая нотка, появляющаяся всегда у него, когда онъ говоритъ о какомъ-нибудь истинномъ дарованіи или о прекрасномъ поступкѣ.

— Если бы выразить въ процентныхъ отношеніяхъ,—сказалъ

онъ, — вліяніе нашихъ писателей на общество, то получилось бы приблизительно слѣдующее: Пушкинъ 30%, Гоголь 15%, Тургеневъ 10%....

Л. Н. Толстой перечислилъ всѣхъ выдающихся русскихъ писателей, кромѣ себя, и, отчисливъ на долю Герцена 18%, съ убѣжденностью сказалъ:

— Онъ блестящъ и глубокъ, что встрѣчается очень рѣдко.

Къ нашему столу подошелъ молодой художникъ. Левъ Николаевичъ заговорилъ съ нимъ о его работахъ и перешелъ на живопись, отъ которой требовалъ не букетовъ и амуровъ, а служенія высшимъ потребностямъ человѣческаго духа. Онъ скоро вошелъ въ страстный тонъ и началъ горячо говорить, быстро завязывая при этомъ и развязывая какой-то шнурокъ, попавшійся ему въ руки. Кто-то упомянулъ о большой картинѣ одного московскаго художника.

— Ну, вотъ, хотя бы эта картина!—сказалъ, возбуждаясь, Левъ Николаевичъ.—Кому нужна эта грубая мазня, отъ которой такъ и вѣетъ кнутомъ? Не выношу я подобныхъ «рассейскихъ» произведеній. И зачѣмъ эти глупыя рожи? Кто же этого не знаетъ, что глупыя рожи бываютъ на свѣтѣ? А вѣдь искусство всегда должно говорить что-нибудь новое, потому что оно есть выраженіе внутренняго состоянія художника и только тогда осуществляетъ свое назначеніе, когда художникъ даетъ намъ нѣчто такое, чего никто еще раньше не давалъ и чего никакимъ инымъ способомъ нельзя лучше выразить. Вотъ *Христосъ передъ Пилатомъ* Ге—это настоящее искусство, хотя картина и плохо написана. Но никто до Ге *такъ* не говорилъ этого и никакимъ другимъ способомъ нельзя сказать это такъ, какъ сказалъ Ге своимъ замученнымъ Христомъ и сытымъ, упитаннымъ Пилатомъ. И всегда и вездѣ Христы и Пилаты были и будутъ именно такіе. И посмотрите, какъ работаетъ Ге надъ своими сюжетами! Онъ десятки лѣтъ изучаетъ жизнь Христа, да не съ внѣшней палестинской стороны, какъ другіе, а съ внутренней. Придешь бывало ночью къ нему, а онъ сидитъ съ своими взвихренными висками на диванѣ и читаетъ Евангеліе. Да иначе и нельзя. Вѣдь искусство — огромное, могущественное средство...

Л. Н. Толстой и художникъ Н. Ге за чтеніемъ въ Ясной Полянѣ, 1895 г. (съ картины Л. Пастернака).

Молодой художникъ, видимо, былъ не вполнѣ согласенъ со Львомъ Николаевичемъ и осторожно началъ проводить ту мысль, что въ живописи важно не *что*, а *какъ*.

— Вѣдь вы признаете же, Левъ Николаевичъ, молитву?— нерѣшительно спросилъ онъ.

— Конечно. Развѣ можно жить безъ молитвы?

— Ну, вотъ. И для художника его картина тоже можетъ быть молитвой. Только одинъ выражаетъ ее въ историческомъ сюжетѣ, другой—въ фантастическихъ образахъ, третій—въ пейзажѣ...

— Тогда и обои надо причислять къ искусству,—прервалъ Левъ Николаевичъ, дѣлая петлю изъ шнурка.

— Но признаете же вы, что извѣстный пейзажъ можетъ облагораживающе подѣйствовать на душу человѣка. Значитъ онъ можетъ подѣйствовать на его душу и въ передачѣ и можетъ заронить въ немъ доброе чувство или помѣшать ему исполнить что-нибудь дурное...

— И кошка, спрыгнувшая со стола на полъ, можетъ помѣшать чему-нибудь, — возразилъ несговорчиво Левъ Ни-

колаевичъ и перешелъ на характеристику условій, создающихъ что-то въ родѣ *лжеискусства*, которое людямъ вовсе не нужно.

— Нынче, вѣдь, куда ни пойди,— сказалъ онъ,—въ книжный магазинъ, въ посудный, въ ювелирный, вездѣ искусство. И не какое - нибудь любительское искусство, а патентованное, съ дипломами и золотыми медалями. Пойдите въ театръ—тамъ опять искусство: какая-нибудь госпожа ноги выше головы задираетъ. И эта гадкая глупость не только не считается неприличнымъ дѣломъ, а, напротивъ, возводится въ нѣчто первосортное и настолько важное для людей, что этому спорту отводится въ газетахъ даже постоянное мѣсто, на ряду съ величайшими міровыми событіями. Нѣкоторые же органы печати имѣютъ еще для этого и постоянныхъ цѣнителей, которые часто ночью, прямо изъ театра, ѣдутъ въ типографію и тамъ немедленно, при грохотѣ машинъ, пишутъ свои впечатлѣнія, поспѣшая, дабы міръ завтра могъ уже знать, какъ именно вчера такая-то госпожа въ такомъ-то театрѣ ноги вверхъ задирала.

— Но все это, Богъ дастъ, просѣется временемъ и въ результатѣ получится добрая питательная мука,—замѣтилъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Зачѣмъ же мнѣ ждать? — возразилъ Левъ Николаевичъ. — Я и теперь чувствую, что на моихъ зубахъ мякина. Бѣда же въ томъ, что не видно конца этой мякины, потому что съ каждымъ днемъ она искусственно создается въ лицѣ различныхъ музыкальныхъ и художественныхъ школъ, уродующихъ тысячи молодыхъ жизней. Между тѣмъ безъ этихъ разсадниковъ всякой лжи и рутины молодыя жизни могли бы приносить пользу людямъ.

— Ну, хорошо, Левъ Николаевичъ, — сказалъ одинъ изъ собесѣдниковъ, — допустимъ, что существующія въ Россіи музыкально-художественныя учрежденія дѣйствительно не приносятъ міру особенной пользы. Допустимъ это и мысленно уничтожимъ ихъ. Какія же учрежденія вы дадите намъ вмѣсто тѣхъ, негодныхъ?

— Вотъ странная претензія!—удивленно проговорилъ Левъ Николаевичъ, пожавъ плечами.—Это все равно, что ко мнѣ при-

шелъ бы больной съ... флюсомъ. Флюсъ стѣсняетъ его. Флюсъ ему въ тягость. Я вылѣчиваю его отъ флюса. Тогда онъ обращается ко мнѣ: «А что же вы дадите мнѣ вмѣсто флюса?» Да, ничего не нужно вмѣсто флюса.

Всѣ разсмѣялись.

Въ залъ непринужденно вошелъ студентъ съ умнымъ, симпатичнымъ лицомъ и учтиво поклонился Льву Николаевичу, который дружески поздоровался съ нимъ и познакомилъ съ нами. Студентъ пришелъ изъ какого-то собранія, гдѣ кто-то что-то читалъ о недавно умершемъ французскомъ писателѣ Тэнѣ. Левъ Николаевичъ заинтересовался разсказомъ студента, но, когда тотъ началъ съ нѣкоторымъ паѳосомъ говорить о великихъ заслугахъ Тэна, Левъ Николаевичъ прервалъ его:

— Какія же такія его великія заслуги? Вѣдь если говорить правду, попросту, по-русски, то Тэнъ былъ человѣкъ довольно-таки тупой.

Студентъ встрепенулся, но сдержалъ себя и съ улыбкой проговорилъ:

— То-есть вы хотите сказать, Левъ Николаевичъ, что Тэнъ былъ ограниченъ по нѣкоторымъ вопросамъ.

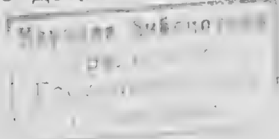
— Я хочу сказать именно то, что я сказалъ: что Тэнъ былъ вообще ограниченный человѣкъ, иначе нельзя объяснить его стараній—свести въ исторіи человѣчества вліяніе человѣка почти на нуль, а главную роль предоставить различнымъ факторамъ, въ родѣ воды, глины и проч. Развѣ это не глупость? А Будда! А Христосъ! Развѣ они не измѣнили формы жизни милліоновъ людей!? Вѣдь прогрессировать можетъ не глина и вода, а только живая жизнь, руководимая духомъ, распространяющимъ въ преемственномъ видѣ свое вліяніе на отдаленнѣйшіе вѣка и поколѣнія...

Студентъ слушалъ Льва Николаевича почтительно, заложивъ одну руку за бортъ мундира, но, видимо, былъ не вполнѣ съ нимъ согласенъ. При послѣднихъ словахъ онъ слегка наклонился и сказалъ:

— Но антропологія доказываетъ...

— Что можетъ доказывать антропологія, которую самоё еще надо доказать? Ее выдумали, чтобы больше получать жалованья.

— Вы отрицаете...

— Жалованье? И не думаю.

— Но антропологія взята вѣдь не изъ головы, а выведена изъ фактовъ, добытыхъ учеными изслѣдователями...

— Какіе это факты? Подъѣдетъ изслѣдователь къ берегу, разспроситъ черезъ глупаго толмача, какіе тамъ у нихъ порядки, тотъ все перевретъ, а изслѣдователь старательно запишетъ и кое-что еще добавитъ отъ себя.

Студентъ началъ слегка волноваться.

Я смотрѣлъ на Льва Николаевича и предо мной какъ бы раскрывались тѣ бурныя сцены на квартирѣ Некрасова, которыя происходили въ 50-хъ годахъ, когда молодой, горячій гр. Л. Толстой, являя собою живое олицетвореніе Чацкаго, игралъ въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ роль овода и выражалъ въ самой рѣзкой формѣ свои протесты противъ всего, что казалось ему условнымъ и фальшивымъ.

Гр. Л. Н. Толстой, Д. Григоровичъ,
Н. Гончаровъ, И. С. Тургеневъ, И. Дружининъ, А. Островскій.
(Снимокъ съ оригинала, находящагося въ Ясной Полянѣ).

— «Вы себѣ представить не можете, какія тутъ были сцены,—разсказываетъ Д. В. Григоровичъ.—Ахъ, Боже мой! Тургеневъ пищитъ-пищитъ, зажметъ рукою горло и съ глазами умирающей газели прошепчетъ:

— «Не могу больше... У меня бронхитъ...

— «Бронхитъ,—ворчитъ Толстой вслѣдъ;—бронхитъ—воображаемая болѣзнь... бронхитъ—это металлъ...»

У Некрасова душа замираетъ: онъ боится упустить и Тургенева, и Толстого, въ которомъ чуетъ капитальную силу *Современника*. Приходится лавировать. Всѣ взволнованы. Не знаютъ, что говорить. Толстой лежитъ въ средней проходной комнатѣ на сафьяновомъ диванѣ и дуется, а Тургеневъ, раздвинувъ полы своего короткаго пиджака, съ заложенными въ карманы руками, продолжаетъ ходить взадъ и впередъ по всѣмъ тремъ комнатамъ. Въ предупрежденіе катастрофы Д. Григоровичъ подходитъ къ Толстому.

— «Голубчикъ Толстой, не волнуйтесь. Вы не знаете, какъ онъ васъ цѣнитъ и любитъ.

— «Я не позволю ему ничего дѣлать мнѣ на зло,—говоритъ Толстой съ раздувающимися ноздрями. — Это вотъ онъ нарочно теперь ходитъ взадъ и впередъ мимо меня и виляетъ своими демократическими ляжками...»

Вспоминается невольно мнѣ и сцена, когда Л. Толстой, попавши въ первый разъ на вечеръ къ Панаеву, не сдерживаетъ своей спорливой жилки и съ горячностью начинаетъ говорить именно о томъ, о чемъ Д. Григоровичъ просилъ его не говорить у Панаева.

И когда я смотрѣлъ на Льва Николаевича во время его спора со студентомъ, мнѣ стало ясно, почему именно онъ велъ себя такъ демонстративно съ Тургеневымъ и въ литературныхъ кружкахъ Петербурга.

По свойству своей натуры Левъ Толстой *не можетъ* молчаливо проходить мимо явленія, которое онъ считаетъ уродливымъ, какъ не можетъ море оставаться спокойнымъ, когда поднимается вѣтеръ. Это свойство его природы. Оно даетъ огромную силу Льву Толстому, но въ то же время создаетъ ему и внутрен-

ній адъ, предъ которымъ должна блѣднѣть душевная трагедія, переживаемая Гамлетомъ...

Къ Льву Николаевичу подошла графиня Софья Андреевна и вполголоса сказала, что нѣкоторые изъ гостей желаютъ заняться музыкой. Левъ Николаевичъ съ живостью всталъ, бросилъ шнурокъ и, какъ бы скользя по льду, поспѣшно направился къ большому столу. Узнавши, что предполагается сначала сыграть Венявскаго (фортепьяно и скрипка), а потомъ Бетховена (фортепьяно, скрипка и віолончель), онъ началъ хлопотать, чтобы поскорѣе все устроить: отыскивалъ ноты, помогалъ поднять крышку рояля, и когда все устроилось, сосредоточенно усѣлся въ сторонкѣ и со вниманіемъ слушалъ музыку. По окончаніи всякой пьесы онъ поднимался и, заложивъ лѣвую руку за поясъ блузы, подходилъ съ наклоненнымъ впередъ туловищемъ къ исполнителямъ, благодарилъ ихъ за доставленное удовольствіе и дѣлалъ тонкія замѣчанія по поводу наиболѣе удавшихся мѣстъ.

И глядя на этого деликатнаго и хорошо воспитаннаго человѣка, въ каждомъ словѣ котораго просвѣчивалась чуткость, трудно было представить себѣ въ немъ запальчиваго протестанта, лежащаго съ раздувающимися ноздрями на диванѣ и не желающаго ни на іоту уступить одному изъ самыхъ безобиднѣйшихъ людей на свѣтѣ.

Похвалы Льва Николаевича доставляли исполнителямъ большое удовольствіе, и они съ замѣтною радостью исполняли по его просьбѣ еще нѣкоторыя пьесы. Дѣлалъ ли это онъ для того, чтобы доставить гостямъ удовольствіе, или для того, чтобы отдохнуть хоть немного отъ утомительныхъ бесѣдъ, или подчинялся страсти къ музыкѣ,—кто знаетъ? Быть можетъ всѣ эти мотивы сплетались у него вмѣстѣ. Но онъ слушалъ музыку сосредоточенно, со вниманіемъ, наклонивъ голову и тихо шевеля пальцами сложенныхъ рукъ.

Л. Н. Толстой (съ портрета, рисован. его дочерью, Т. Л. Толстой).

III.

Недѣли черезъ 3 мнѣ пришлось опять быть у Толстыхъ. Опять у нихъ было много гостей, и опять послѣ чаю началось нѣчто въ родѣ концертнаго отдѣленія. Пѣла одна дама. Но мальчикамъ, видимо, прiѣлось пѣнiе. Они перешли въ смежную комнату и подняли тамъ шумъ. Левъ Николаевичъ не вытерпѣлъ и пошелъ къ мальчикамъ.

— Вы нарочно шумите? — спросилъ онъ.

Послѣ нѣкоторой заминки послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ:

— Д-да...

— Вамъ не нравится ея пѣнiе?

— Ну-да. Зачѣмъ она воетъ? — заявилъ съ досадою одинъ изъ мальчиковъ.

— Такъ значитъ ты желаешь протестовать противъ ея пѣнiя? Да? — спросилъ серьезнымъ тономъ Левъ Николаевичъ.

— Да!

Тогда выйди и скажи это или стань на середину и... на всю комнату. Это будетъ грубо, но прямо и честно. А то собрались и какъ сверчки пищатъ изъ-за угла. Терпѣть не могу подобныхъ протестовъ.

Протестантъ, однако, не послѣдовалъ совѣту Льва Николаевича, а только прыснулъ со смѣху и притихъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что очень рѣдко выпадаетъ такой вечеръ, чтобы у Толстыхъ не было гостей. Они пробовали установить извѣстные дни для пріемовъ, но это ни къ чему не привело. Въ пріемные дни собирались преимущественно друзья графини Софьи Андреевны, въ остальные же дни, съ 7-ми часовъ вечера, наружная дверь съ упругимъ блокомъ уже начинала попрежнему хлопать и впускать разнообразныхъ посѣтителей Льва Николаевича.

И кто только не былъ въ этомъ небольшомъ деревянномъ домѣ, выкрашенномъ темною охрой? Ученые и писатели, художники и артисты, государственные и финансовые дѣятели, губернаторы, сектанты, земцы, сенаторы, студенты, военные, фабричные рабочіе, крестьяне, корреспонденты всѣхъ цвѣтовъ и націй и проч. и проч. Не проходитъ дня зимою, чтобы въ Долго-Хамовническомъ переулкѣ не появилось какое-нибудь новое лицо, ищущее свиданія съ знаменитымъ русскимъ писателемъ.

Но всѣхъ его посѣтителей можно раздѣлить на двѣ главныхъ категоріи: 1) «зрителей», являющихся къ Л. Толстому, исключительно, какъ къ знаменитости, и 2) «обременныхъ», т. е. ищущихъ у Льва Николаевича содѣйствія, совѣта, помощи.

«Зрители» въ большинствѣ случаевъ уходятъ отъ Л. Н. Толстого разочарованными и только дѣлаютъ видъ, что въ восторгѣ отъ него. Въ сущности онъ не даетъ имъ того, чего они ищутъ и что онъ могъ бы имъ дать. Будучи идеалистомъ по своимъ воззрѣніямъ, онъ терпѣть, однако, не можетъ праздныхъ разговоровъ и склоненъ только къ дѣловымъ, практическимъ бесѣдамъ.

Обладая острымъ, проницательнымъ умомъ и обширнымъ жизненнымъ опытомъ, онъ часто съ одного взгляда уже схватываетъ внутреннее содержаніе посѣтителя и сразу или становится съ нимъ на совершенно равную ногу или какъ бы замораживаетъ себя.

Докладываютъ Л. Толстому, что его желаетъ видѣть какая-то пріѣзжая дама. Онъ былъ не свободенъ, но принялъ ее и

дѣловымъ тономъ спросилъ, что ей нужно. Увидя его, посѣтительница пришла въ замѣшательство, но пересилила себя и съ рѣшимостью заявила:

— Я прочитала ваше послѣднее произведеніе и остановилась надъ нѣкоторыми мѣстами. Они мнѣ непонятны...

— Вотъ что!—оживившись сказалъ Левъ Николаевичъ и, пригласивши посѣтительницу къ себѣ въ кабинетъ, проговорилъ съ нею нѣсколько часовъ.

Разстались они друзьями и, говоря о ней, онъ всегда какъ бы освѣщается изнутри. Однажды кто-то сказалъ въ его присутствіи о ней, что ее слѣдуетъ цѣнить на вѣсъ золота. Онъ поправилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Ее надо цѣнить на вѣсъ самыхъ драгоцѣнныхъ камней.

Другая посѣтительница пріѣхала къ нему, чтобы предложить въ его распоряженіе свое большое состояніе. Онъ былъ тронутъ, но отъ предложенія уклонился.

— Богъ съ ними, съ такими огромными деньгами! Съ ними непремѣнно запутаешься.

Популярность Льва Толстого создаетъ ему часто и комическія встрѣчи, о которыхъ онъ впослѣдствіи самъ иногда разсказываетъ съ неподражаемымъ комизмомъ. Идетъ онъ однажды въ Москвѣ по узкому тротуару, а навстрѣчу ему плетется, пошатываясь, какой-то сильно подвыпившій человѣкъ. Увидѣвши Льва Николаевича, незнакомецъ какъ бы заякориваетъ себя и заплетающимся языкомъ спрашиваетъ:

— Графъ Толстой?.. д-да?

— Да.

— А я вашъ поклонникъ и подражатель, — говоритъ съ чувствомъ субъектъ и почтительно уступаетъ дорогу своему образцу.

Въ другой разъ является ко Льву Николаевичу какой-то мѣщанинъ и заявляетъ:

— Мнѣ было бы желательно *перейти въ вѣру ихъ сіятельства.*

Еще забавнѣе появленіе двухъ американокъ. Докладываютъ однажды Льву Николаевичу, что его желаютъ видѣть двѣ аме-

риканки, пріѣхавшія спеціально для этого въ Москву. Онъ принимаетъ ихъ и вступаетъ въ бесѣду.

Американки съ апломбомъ заявляютъ, что онѣ совершили нѣчто въ родѣ подвига, а именно: сдѣлали кругосвѣтное путешествіе, выѣхавши изъ Америки въ разныя стороны и уговорившись съѣхаться въ Москвѣ для свиданія съ «великимъ писателемъ земли Русской». И вотъ онѣ достигли намѣченной цѣли и очень довольны, что довели свою миссію до конца. Онъ улыбается и говоритъ:

— Но я думаю, что вы могли бы распорядиться вашимъ временемъ съ большею пользой.

Одна изъ американокъ радостно восклицаетъ:

— Я была убѣждена, что *Лео Толстой* долженъ сказать непремѣнно что-нибудь подобное.

И въ избыткѣ нравственнаго удовлетворенія благодарныя посѣтительницы удаляются отъ Л. Н. Толстого.

Не отказывая почти никому въ свиданіи, Левъ Николаевичъ въ нѣкоторые дни очень утомляется отъ посѣтителей, потому что нѣкоторые изъ нихъ требуютъ часто усиленнаго терпѣнія и большой выдержки. Придетъ иной «почитатель» и послѣ лирическаго вступленія начнетъ доказывать, что ему крайне необходима извѣстная сумма денегъ и такъ экстренно необходима, что тутъ же вынь и положь.

— Но у меня нѣтъ денегъ, — заявляетъ Левъ Николаевичъ.

— Не можетъ быть. Вы милліонеръ. Кромѣ того, ваши сочиненія приносятъ вамъ десятки тысячъ дохода. Наконецъ, всякая ваша строчка уже есть, такъ сказать, капиталъ въ нѣкоторомъ родѣ.

— И тѣмъ не менѣе я все-таки не могу исполнить вашу просьбу.

— Это негуманно, графъ! Зачѣмъ же вы тогда проповѣдуете и о самоотверженіи, а мнѣ отказываете въ какихъ-нибудь 25-ти рубляхъ, которые мнѣ крайне необходимы. Я четвертый мѣсяцъ съ утра до вечера хожу по Москвѣ, чтобы добыть себѣ на билетъ до Калуги. Поймите, графъ, *четвертый* мѣсяцъ хожу безплодно.

— Но за это время вы могли бы уже нѣсколько разъ дойти до Калуги.

Посѣтителя на минуту озадачиваетъ это замѣчаніе. Но затѣмъ онъ быстро оправляется и съ совершеннымъ убѣжденіемъ въ своей правотѣ начинаетъ доказывать, что онъ *не можетъ* путешествовать пѣшкомъ, какъ простой мужикъ, и ѣсть, что придется, потому что происходитъ изъ хорошей фамиліи и не въ состояніи употреблять дурной пищи, ему нужна хорошая пища...

Нѣкоторые просители идутъ еще дальше и прямо угрожаютъ покончить съ собою, если просьба ихъ не будетъ удовлетворена.

Подобныя посѣщенія всегда сильно разстраиваютъ Льва Николаевича.

— Посмотришь на такого посѣтителя, — сказалъ однажды онъ, — и страшно дѣлается. Видишь, что именно вотъ такіе люди способны *все сдѣлать*, кромѣ нравственнаго усилія надъ собою. Ужасно тяжелое зрѣлище!

Тяжелое впечатлѣніе производятъ на него еще и посѣтители, являющіеся къ нему, чтобы завербовать его на какое-нибудь дѣло, противное началамъ его души. Нѣчто подобное испытывалъ онъ при посѣщеніи извѣстнаго французскаго поэта Деруледа, явившагося ко Льву Николаевичу, чтобы соблазнить его идеей «реванша». Въ концѣ концовъ Л. Н. Толстой, обыкновенно относящійся къ иностранцамъ съ особеннымъ радушіемъ, не выдержалъ и на воинственную тираду Деруледа съ горячностью отвѣтилъ:

— Границы государствъ должны опредѣляться не мечомъ и кровью, а разумнымъ соглашеніемъ народовъ. И когда не будетъ людей, не понимающихъ этого, тогда не будетъ и войнъ.

При этомъ Л. Н. всталъ и въ волненіи вышелъ изъ комнаты.

Сцена эта произвела сенсацію. Деруледъ омрачился и по возвращеніи Льва Николаевича заявилъ, что считаетъ его разсужденія искусственными, потому что первый встрѣчный русскій мужикъ навѣрно разсуждаетъ правильнѣе, и въ доказательство своей правоты Деруледъ предложилъ перевести на рус-

скій языкъ его воззваніе къ первому встрѣчному русскому крестьянину. Левъ Николаевичъ согласился. Пошли гулять. Навстрѣчу показывается ясно-полянскій мужикъ Прокофій. Л. Н. подзываетъ его и переводитъ ему патетическую рѣчь Деруледа о томъ, что русскіе и французы—братья, но между ними стоитъ нѣмецъ и мѣшаетъ имъ обняться, а потому Деруледъ предлагаетъ Прокофію подать руку и жать масло изъ нѣмца.

Прокофій внимательно выслушалъ, подумалъ и сказалъ:

— Нѣтъ, баринъ, пускай будетъ лучше такимъ образомъ: вы, французы, значитъ, будете работать, и мы, русскіе, будемъ тоже работать, а послѣ работы пойдемъ въ трактиръ и нѣмца съ собою захватимъ.

Деруледа не удовлетворила эта комбинація.

IV.

Посѣтительницы, являющіяся ко Льву Николаевичу съ какими-нибудь настойчивыми просьбами, присоединяютъ иногда еще и истерики.

Является одна госпожа и заявляетъ, что ей крайне необходимо кспѣху нѣсколько тысячъ рублей, и что безцѣнному Льву Николаевичу ничего не стоитъ сдѣлать это одолженіе, потому что онъ такой добрый, такой хорошій и не возьметъ вѣроятно на свою душу грѣха за всѣ послѣдствія своего отказа. Онъ всячески старается успокоить посѣтительницу. Но ее можетъ успокоить только извѣстная сумма и ни одной копейкой меньше. Получивъ отказъ, посѣтительница истерически вскрикиваетъ и падаетъ въ такъ называемый обморокъ. Ее приводятъ въ себя и предлагаютъ небольшую сумму денегъ на дорогу. Она беретъ и съ разочарованнымъ видомъ уходитъ.

Дамы вообще довольно часто одолѣваютъ Льва Николаевича, выражая ему свои сочувствія и свои желанія въ такой театральной формѣ, которая почти всегда приводитъ его въ раздраженіе, и въ чертахъ его лица появляется тогда что-то

жесткое и щетинистое, напоминающее стараго князя Болконскаго изъ *Войны и мира.*

Иныя посѣтительницы являются и сразу:

— Левъ Николаевичъ, научите насъ жизни!

Его всегда смущаютъ такія демонстративныя заявленія.

Зимою 1896 г. послѣ перваго представленія въ московскомъ Маломъ театрѣ *Власти тьмы* толпа студентовъ отправилась прямо изъ театра въ Хамовническій переулокъ къ Л. Н. Толстому, «чтобы выразить ему свои чувства благодарности и любви».

Студенты столпились у воротъ дома, гдѣ живетъ Л. Н., и стали держать совѣтъ, какъ имъ приступить къ выполненію задуманнаго плана. Удобно ли въ этакую пору являться хотя бы и съ выраженіемъ добрыхъ чувствъ? Вѣдь Левъ Толстой можетъ уже и спать въ данный моментъ. Но Левъ Николаевичъ былъ въ это время въ гостяхъ и возвращался домой съ однимъ изъ своихъ пріятелей какъ разъ въ ту минуту, когда у студентовъ шло совѣщаніе. Онъ былъ очень удивленъ необычайному сборищу въ Хамовническомъ переулкѣ и, проскользнувъ незамѣтно между студентами, вошелъ во дворъ. Они тотчасъ же догадались, кто былъ старикъ, вошедшій въ домъ, и осторожно позвонили.

— Мы пришли, чтобы выразить Льву Николаевичу нашу глубокую благодарность за *Власть тьмы,* — сказали выборные.

Когда ему доложили о просьбѣ студентовъ, онъ пришелъ въ крайнее замѣшательство.

— Зачѣмъ они это дѣлаютъ? Что я имъ скажу?

И когда черезъ нѣсколько минутъ толпа студентовъ вошла въ переднюю и одинъ изъ нихъ, вставши на стулъ, взволнованнымъ голосомъ обратился къ Льву Николаевичу съ привѣтствіемъ, а другіе бросились цѣловать ему руки, онъ былъ потрясенъ и нѣкоторое время не могъ говорить.

Нѣчто подобное произошло и во время послѣднаго съѣзда естествоиспытателей въ Москвѣ.

Л. Н. Толстой былъ на докладѣ своего стараго знакомаго профессора Ц. Кто-то изъ присутствующихъ, замѣтивъ Льва Николаевича, произнесъ призывнымъ шопотомъ:

«Левъ Толстой здѣсь!»

Слова эти молніей пронеслись по залу. Всѣ начали оглядываться, чтобы увидѣть знаменитаго писателя. Левъ Николаевичъ почувствовалъ, что начинается одна изъ тѣхъ гипнотизирующихъ сценъ, которыхъ онъ всегда избѣгалъ, и хотѣлъ незамѣтно ускользнуть, но было поздно.

Огромная толпа, наполнявшая университетскій залъ, пришла въ движеніе и заревѣла:

«Левъ Николаевичъ! Левъ Николаевичъ!..»

Въ концѣ концовъ распорядители принуждены были просить Льва Николаевича занять на эстрадѣ почетное мѣсто. Стѣны дрогнули отъ рукоплесканій, которыми встрѣтили естествоиспытатели великаго русскаго писателя. Сцена эта очень разстроила Л. Н. и онъ неохотно вспоминаетъ о ней. Но всякое простое, безыскусственное выраженіе симпатіи очень трогаетъ его. И если нѣкоторые изъ посѣтителей и причиняютъ ему иногда неудовольствіе, зато другіе доставляютъ ему высокое наслажденіе, раскрывая предъ нимъ цѣлыя залежи духовныхъ богатствъ.

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Левъ Николаевичъ пишетъ:

«Радостно узнавать про вліяніе на другихъ людей, потому что только тогда убѣждаешься, что огонь, который въ тебѣ—настоящій,—настоящій, если зажигаетъ». Вотъ эту-то сладость сознанія и извлекаетъ иногда Левъ Николаевичъ изъ непрерывнаго общенія съ людьми.

И кто знаетъ, могъ ли бы онъ безъ этихъ ежедневныхъ встрѣчъ и бесѣдъ такъ всесторонне знать людскіе характеры и такъ чутко улавливать пульсъ человѣчества?

Просидѣть иногда вечеръ у него—это значитъ войти сразу въ курсъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ, волнующихъ въ данное время мыслящую часть общества, и познакомиться съ представителями всевозможнѣйшихъ слоевъ и направленій.

Л. Н. Толстой (съ порт. худ. Ярошенко).

V.

Наступаетъ вечеръ. Пробило 7 часовъ. Левъ Николаевичъ сидитъ послѣ обѣда въ своемъ кабинетѣ, поджавъ подъ себя ногу, и съ большимъ интересомъ слушаетъ молодого ученаго, разсказывающаго о новой свѣтовой теоріи; иногда онъ прикасается дружески къ рукѣ собесѣдника и дѣлаетъ краткія замѣчанія, указывающія, что вопросъ вполнѣ ясенъ ему. Слуга докладываетъ о приходѣ сельскаго учителя, пріѣхавшаго съ Юга. Входитъ по-русски одѣтый господинъ съ загорѣлымъ лицомъ и съ нерѣшительными манерами. Но говоритъ онъ спокойно и мысль свою выражаетъ ясно. Завязывается разговоръ о положеніи школьнаго дѣла въ Россіи, которое Левъ Николаевичъ принимаетъ близко къ сердцу, будучи практически знакомъ съ нимъ, какъ устроитель школъ въ Ясной Полянѣ.

Появляется новый посѣтитель—извѣстный земскій дѣятель. У него цѣлая куча новостей, касающихся благихъ начинаній по части земледѣлія.

Завязывается горячая бесѣда объ общинномъ хозяйствѣ, о земледѣльческихъ артеляхъ, объ интеллигентныхъ хлѣбопашцахъ. Левъ Николаевичъ живо сочувствуетъ «движенію въ деревню», но считаетъ занятіе земледѣліемъ очень трудною задачей для современной интеллигенціи.

— Это такъ ясно, — говоритъ онъ, — вѣдь цѣну на хлѣбъ устанавливаетъ крестьянинъ. Значитъ надо довести свой бюджетъ и цѣну производства до его нормы, т.-е. также ограничить свои потребности, какъ ихъ ограничилъ крестьянинъ. А развѣ это легко для современнаго слабосильнаго и неспособнаго къ упорному физическому труду человѣка? Вонъ американецъ, нанимая для полевыхъ работъ, прежде всего подходитъ и щупаетъ мускулы. «Good for nothing» («никуда не годенъ»), говоритъ и отходитъ. И дѣйствительно, безъ твердыхъ мускуловъ какой же работникъ?

Появляются новые посѣтители: московскій финансовый дѣятель, затѣмъ дама, живущая въ Англіи.

Завязывается съ нею бесѣда объ Англіи, о нѣкоторыхъ парламентскихъ дѣятеляхъ, которыхъ она знаетъ, и объ англійскихъ рабочихъ союзахъ.

Въ кабинетъ входятъ студентъ и гимназистъ. Гимназистъ подаетъ Льву Николаевичу новенькій сборникъ стихотвореній новой поэтесы, о произведеніяхъ которой Левъ Николаевичъ много слыхалъ и хотѣлъ съ ними познакомиться. Онъ благодаритъ гимназиста, раскрываетъ книгу, прочитываетъ нѣсколько строкъ и смѣется.

— Послушайте, ради Бога! — говоритъ онъ, присаживаясь ближе къ свѣчѣ, и читаетъ вслухъ очень поэтическое стихотвореніе.

Но въ концѣ дѣлаетъ паузу и недоумѣвающе произноситъ послѣднюю строку, отличающуюся острымъ эротическимъ характеромъ.

— И какъ ей не совѣстно печатать это? — спрашиваетъ недоумѣвающе Левъ Николаевичъ; затѣмъ переворачиваетъ нѣсколько страницъ, опять читаетъ вслухъ стихотвореніе и опять оно заканчивается эротическимъ букетомъ. Левъ Николаевичъ безнадежно закрываетъ книгу и отодвигаетъ отъ себя.

Бесѣда переходитъ на современную литературу.

Л. Н. Толстой очень много читаетъ и въ этомъ отношеніи не придерживается правила, которое Ог. Контъ называлъ *гигіеной мозга.* Кромѣ получаемыхъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ и газетъ, ему еще присылаютъ его пріятели все, маломальски выдающееся въ печати, вслѣдствіе чего бесѣда о литературѣ съ Л. Н. Толстымъ принимаетъ всегда наиболѣе интересный характеръ: узнаешь о многихъ новостяхъ, съ которыми не успѣлъ бы познакомиться до конца дней своихъ.

Иногда составъ посѣтителей бываетъ еще разнообразнѣе: рядомъ съ какимъ-нибудь магистромъ философіи сидитъ загорѣлый крестьянинъ, пріѣхавшій съ Юга и добродушно обращающійся къ Л. Н. Толстому съ словомъ *дѣдушка.*

Непринужденность и простота Льва Николаевича дѣлаютъ эти пестрыя собранія никого не шокирующими. Всякій чувствуетъ себя здѣсь самъ по себѣ и въ то же время какъ бы нѣсколько ближе другъ къ другу, вслѣдствіе чего московскій кабинетъ Л. Н. Толстого является чѣмъ-то въ родѣ всероссійской узловой станціи, черезъ которую прошло за послѣднія десять лѣтъ не мало умственныхъ и художественныхъ цѣнностей.

VI.

Любя дружескую бесѣду и дружеское общеніе съ людьми, Л. Н. Толстой питаетъ, однако, почти болѣзненную антипатію ко всему парадному, многолюдному и стадному, вслѣдствіе чего очень рѣдко появляется въ общественныхъ собраніяхъ и упорно сторонится всякихъ торжествъ, юбилеевъ и прочихъ людныхъ мѣстъ, ограничиваясь посѣщеніемъ нѣкоторыхъ публичныхъ лекцій, имѣющихъ какой-нибудь особенный интересъ.

Въ театрѣ Левъ Николаевичъ бываетъ тоже очень рѣдко и всегда норовитъ, чтобы проскользнуть незамѣтно и занять такое мѣсто, чтобы его какъ можно меньше видѣли.

Но зимою въ 1895-мъ году, когда онъ приступилъ къ

своей работѣ объ искусствѣ, онъ одно время было попалъ въ театральную полосу и посѣщалъ театры, бесѣдовалъ съ артистами и даже читалъ артистамъ Малаго театра въ театральной конторѣ свою пьесу *Власть тьмы.*

Но черезъ годъ онъ смотрѣлъ на это уже, какъ на увлеченіе, и когда одинъ знакомый началъ соблазнять Льва Николаевича новою оперой, онъ, улыбаясь, сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! Это я только въ прошломъ году такъ выбрыкивалъ, теперь же окончательно спустился на дно.

Посѣщеніе театровъ не удовлетворило его.

Мнѣ пришлось видѣть его послѣ представленія *Лира.* Онъ былъ недоволенъ проведеннымъ вечеромъ и сказалъ:

— Смотрѣлъ я на эти кривлянья и думалъ: а вѣдь со всѣмъ этимъ бороться нужно. Сколько тутъ рутины, загромождающей правду! Вотъ Пушкинъ сказалъ, что у Шекспира нѣтъ злодѣевъ. Какой вздоръ! Эдмундъ — чистый, форменный злодѣй.

Не удовлетворила его и *Власть тьмы* на сценѣ.

— Въ дѣлѣ, откуда я взялъ этотъ сюжетъ, — сказалъ онъ,—Никита въ припадкѣ изступленія убиваетъ оглоблей свою жену, и тогда только въ немъ совершается нравственный переломъ. Мнѣ казалось, что это будетъ черезчуръ. Но я напрасно мудрилъ: слѣдовало вставить эту сцену.

— А какъ вамъ понравилось исполненіе? — спросилъ я.

— Да ничего. Только очень ужъ стараются артисты быть натуральными. Этого не слѣдуетъ дѣлать. Исполнители должны скрывать свои намѣренія. Обыкновенно, какъ только замѣчаешь, что тебя стараются разжалобить или разсмѣшить, сейчасъ же начинаешь испытывать совершенно противоположныя чувства. И дѣйствующія лица во *Власти тьмы* не совсѣмъ тѣ люди, что я думалъ. Никита не щеголь, не форсунъ, а только отпрыскъ городской культуры. Акимъ не «вѣщаетъ», когда говоритъ, напротивъ, онъ напрягается, спѣшитъ и потѣетъ отъ усилій мысли. Онъ долженъ быть нервенъ и суетливъ.

Черезъ нѣкоторое время Левъ Николаевичъ опять заговорилъ о *Лирѣ* и, почувствовавъ аппетитъ, обратился къ своимъ дочерямъ:

— Регана! Гонерилья! а будетъ ли старому отцу овсянка сегодня?

Къ Шекспиру Левъ Николаевичъ вообще относится безъ увлеченія и, какъ мнѣ кажется, недостаточно обстоятельно знакомъ съ нимъ. Онъ никогда не цитируетъ его и не подкрѣпляетъ свою рѣчь крылатыми мыслями, которыми такъ богатъ Шекспиръ. Между тѣмъ, напримѣръ, изъ Гете Левъ Николаевичъ довольно часто приводитъ по-нѣмецки различные стихотворные отрывки, хотя въ то же время и не принадлежитъ къ его горячимъ почитателямъ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе Гейне, что Гете *великій человѣкъ въ шелковомъ сюртукѣ.* Съ произведеніями Гейне Л. Н. познакомился настоящимъ образомъ только въ послѣднее время и очень увлекался ими. Въ самой горячей бесѣдѣ онъ иногда останавливался и, поднявши голову, мастерски прочитывалъ по-нѣмецки какое-нибудь стихотвореніе Гейне, относящееся къ бесѣдѣ. Особенно нравится ему стихотвореніе: Lass die frommen Hypotesen...

Шиллера Льву Николаевичу тоже пришлось за послѣднее время реставрировать въ своей памяти. Изъ Шиллера больше всего нравятся ему *Разбойники* своимъ молодымъ, горячимъ языкомъ.

— *Донъ-Карлосъ* уже не то,—говоритъ онъ.—Главное же въ *Донъ-Карлосѣ* меня отталкиваетъ то, чего я никогда терпѣть не могъ—это исключительность положеній. По моему это все равно, что брать героями сіамскихъ близнецовъ.

Съ Берне Левъ Николаевичъ до послѣдняго времени вовсе не былъ знакомъ и съ большимъ удовольствіемъ прочиталъ нѣкоторыя изъ его статей.

Но зато въ области философской литературы онъ очень начитанъ, и съ этой стороны едва ли кто-нибудь изъ русскихъ писателей можетъ быть поставленъ рядомъ съ нимъ.

Съ собраніемъ сочиненій западныхъ писателей у Льва Николаевича вышелъ казусъ. Будучи въ 50-хъ годахъ за границей, онъ пріобрѣлъ въ подлинникахъ произведенія выдающихся европейскихъ писателей.

— Но—увы!—говоритъ онъ съ комическимъ вздохомъ,—на границѣ всѣ эти книги отобрали для пересмотра и... до сихъ поръ просматриваютъ.

Къ любимѣйшимъ мыслителямъ и писателямъ Льва Толстого принадлежатъ: Сократъ, Эпиктетъ, Паскаль, Ж.-Ж. Руссо, В. Гюго, Диккенсъ и др. Больше всѣхъ имѣлъ вліяніе на его духовный укладъ Ж.-Ж. Руссо.

— Я такъ боготворилъ Руссо,—сказалъ однажды Левъ Николаевичъ,—что одно время хотѣлъ вставить его портретъ въ медальонъ и носить на груди вмѣстѣ съ иконкой.

Первый толчокъ къ писательству далъ, однако, Льву Николаевичу не Ж.-Ж. Руссо, а Стернъ. Въ этомъ онъ самъ однажды признался одному гимназисту, спросившему у него, съ которыхъ лѣтъ онъ началъ писать.

Левъ Николаевичъ улыбнулся и сказалъ:

— А вы боитесь, что уже опоздали? Первое мое сочиненіе было написано мною 16-ти лѣтъ. Это былъ философскій трактатъ въ подражаніе Стерну.

(1898 г.).

VII.

Изъ русскихъ писателей на Л. Н. Толстого имѣлъ наибольшее вліяніе Лермонтовъ. Онъ до сихъ поръ горячо относится къ нему, дорожа въ немъ тѣмъ свойствомъ, которое онъ называетъ *исканіемъ*. Безъ этого свойства онъ считаетъ талантъ писателя неполнымъ и какъ бы съ изъяномъ. Роль писателя, по его мнѣнію, должна включить въ себя два обязательныхъ свойства: художественный талантъ и разумъ, т.-е. ту очищенную сторону ума, которая способна проникать въ сущность явленій и давать высшую для своего времени точку міросозерцанія.

Изъ русскихъ современниковъ Л. Толстого имѣлъ нѣкоторое вліяніе на его литературную формацію Д. Григоровичъ. Но больше всѣхъ своему литературному развитію и направленію Л. Н. Толстой обязанъ старшему брату Николаю, человѣку съ свѣтлымъ, облагороженнымъ умомъ и съ тонко развитымъ сердцемъ.

(Братья Толстые съ дагерротипа 1853 г.).
Сергѣй, Николай, Дмитрій и Левъ Николаевичи.

Тургенева Л. Н. Толстой всегда считалъ человѣкомъ передовымъ, хорошо образованнымъ и очень талантливымъ, но его

беллетристическія произведенія, за исключеніемъ *Записокъ охотника,* никогда не вызывали въ Л. Н. восхищенія, а значитъ и восхитываться на нихъ онъ не могъ.

Однажды съ нимъ произошелъ очень характерный эпизодъ, быть можетъ отчасти послужившій сгущенію той тѣни, которая лежала вообще между Тургеневымъ и Л. Толстымъ.

Въ 1860 г. Л. Толстой пріѣхалъ въ деревню къ Тургеневу. Тотъ въ это время кончилъ романъ *Отцы и дѣти* и придавалъ очень большое значеніе своему новому произведенію, выразивши желаніе узнать о немъ и мнѣніе Л. Н. Толстого. Послѣдній взялъ рукопись, легъ въ кабинетѣ на диванъ и началъ читать. Но романъ показался ему такъ искусственно построеннымъ и такимъ незначительнымъ по содержанію, что онъ не могъ преодолѣть охватившей его скуки и... заснулъ.

— Проснулся я,—разсказываетъ онъ,—отъ какого-то страннаго ощущенія и когда открылъ глаза, то увидѣлъ удаляющуюся изъ кабинета гигантскую фигуру Тургенева.

Весь этотъ день между ними какъ бы висѣло что-то.

Но Тургенева, какъ автора *Записокъ охотника,* Л. Толстой цѣнитъ очень высоко и считаетъ его описанія природы не только превосходными, но и недосягаемыми ни для кого изъ писателей.

Къ Достоевскому Л. Н. Толстой относится, какъ къ художнику, съ глубокимъ уваженіемъ и нѣкоторыя его вещи, особенно *Преступленіе и наказаніе,* считаетъ удивительными. Но многое въ Достоевскомъ отталкиваетъ его. Нѣкоторыхъ изъ писателей Л. Н. Толстой какъ бы вовсе не признаетъ. Къ этому разряду относятся Мельниковъ-Печерскій, Помяловскій, Рѣшетниковъ и нѣкоторые изъ современныхъ литераторовъ. Изъ писателей-народниковъ Л. Н. Толстой всегда съ оживленіемъ говоритъ о Стѣпцовѣ.

Небезынтересно, что мысль о небольшихъ беллетристическихъ эскизахъ, появившихся потомъ въ печати подъ названіемъ *Стихотвореній въ прозѣ,* подалъ Тургеневу Л. Н. Толстой: онъ и самъ пробовалъ свои силы въ этомъ жанрѣ, но потерпѣлъ фіаско. Написалъ онъ однажды одну изъ такихъ вещицъ и

послалъ въ журналъ И. Аксакова *Русь* отъ имени старушки, Натальи Петровны, жившей у Толстыхъ. Но черезъ нѣкоторое время И. Аксаковъ вернулъ рукопись съ почтительнымъ извиненіемъ, что не можетъ ее напечатать, потому де, что авторъ недостаточно еще опытенъ въ изложеніи.

Настоящую писательскую лихорадку Левъ Николаевичъ почувствовалъ, будучи уже на Кавказѣ, т.-е. когда ему шелъ 21-й годъ. Неудовлетворенный праздною жизнью, которую онъ велъ въ кругу своихъ товарищей, и томимый тоской по родинѣ, Л. Н. началъ путемъ воображенія переноситься въ родныя мѣста. Это доставляло ему такое высокое наслажденіе, что онъ рѣшилъ закрѣпить нѣкоторыя воспоминанія на бумагѣ и началъ ихъ записывать. Такъ создалось *Дѣтство*. Мечты о литературной славѣ возникли уже впослѣдствіи. Подчиняясь въ своемъ творчествѣ потребности, лежащей въ его душѣ, онъ изъ души извлекалъ и тотъ особенный тонъ, которымъ проникнуто это замѣчательное произведеніе. Теперь онъ не особенно цѣнитъ его.

Ѣхалъ какъ-то Левъ Николаевичъ въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ на извозчикѣ. Извозчикъ узналъ его и, обернувшись, сказалъ:

— А я многія ваши книги читалъ, ваше сіятельство! *Кавказскихъ плѣнниковъ* читалъ, *Хозяина и работника* читалъ. Про купца Аксенова *(Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ)* тоже читалъ. Очень даже мнѣ все понравилось. А вотъ вашей книги *Дѣтства и отрочества* никакъ добыть не могу. Говорятъ, хоро-шая книга!

Л. Н. Толстой разговорился съ извозчикомъ и сказалъ ему:

— Если ты такой охотникъ до чтенія, то приходи ко мнѣ, я дамъ тебѣ книгъ.

— *Дѣтство и отрочество* дадите? — спросилъ съ живостью извозчикъ.

— Нѣтъ, это пустая книжка. Въ молодости я много писалъ глупостей. Я дамъ тебѣ *Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ*. Это гораздо лучше, чѣмъ *Дѣтство и отрочество*.

Но спутникъ Льва Николаевича заявилъ извозчику:

— А ты все-таки добудь и прочитай *Дѣтство и отроче-*

ство. Не вѣрь, что это «пустая» книжка. Хоро-ошая, братъ, это книжка!

Левъ Николаевичъ ничего не возразилъ.

Но когда на другой день извозчикъ пришелъ къ нему за книгами, онъ все-таки не далъ ему *Дѣтства и отрочества*, какъ бы не желая брать грѣха на душу.

Но мы не можемъ относиться такъ къ *Дѣтству и отрочеству*. Для насъ это произведеніе имѣетъ двоякую цѣну—и съ художественной стороны и съ историко-литературной. Оно дало толчокъ генію Льва Толстого и, создавши ему выдающійся успѣхъ въ литературномъ мірѣ, способствовало его переходу изъ военнаго на писательское поприще.

А какимъ, взвинчивающимъ молодое самолюбіе, сочувствіемъ были встрѣчены его первые шаги въ литературѣ, можно судить по тому, что Л. Толстой въ самое короткое время былъ уже причисленъ къ первымъ чинамъ литературы; и въ иллюстраціяхъ, и въ карикатурахъ того времени онъ изображался, какъ

Карикатура (1852 г.), изображающая, Панаева, Некрасова, Григоровича, Тургенева, Островскаго и Л. Н. Толстого.

равный между равными, вмѣстѣ съ знаменитѣйшими писателями того времени: Гончаровымъ, Тургеневымъ, Некрасовымъ, Островскимъ и др.

Тургеневъ, гр. Соллогубъ, гр. Л. Н. Толстой.
Н. Некрасовъ, Д. Григоровичъ, И. Панаевъ.

Всѣхъ плѣняла въ *Дѣтствѣ и отрочествѣ* необыкновенная прелесть простоты и искренности.

Въ его *Юности* есть поэтическая глава, въ которой Л. Н. описываетъ, какъ онъ однажды раннимъ лѣтнимъ утромъ отдался созерцанію окружающаго и «слезы какой-то неудовле-

творенной, но волнующейся радости» невольно навертывались ему на глаза. Какъ-то я сказалъ ему о томъ, что́ думаю всегда, читая эту главу. Онъ выслушалъ меня и заявилъ послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы вспоминая что-то, что когда онъ писалъ эту главу, то переживалъ именно тѣ думы, о которыхъ я говорю. Вотъ она, великая тайна искусства, не знающая границъ ни во времени, ни въ пространствѣ!

Большинство выведенныхъ въ *Дѣтствѣ и отрочествѣ* и *Юности* лицъ взяты живьемъ изъ жизни. Неправильно только считаютъ многіе, что выведенный Л. Н. Толстымъ отецъ въ *Дѣтствѣ и отрочествѣ* — его отецъ. Это Исленьевъ, родной дѣдъ гр. Софьи Андреевны, сосѣдъ по имѣнію Толстыхъ. Жуиромъ своего времени былъ дѣдъ Льва Николаевича, гр. Илья Андреевичъ Толстой, прожившій, кромѣ своего значительнаго состоянія, еще большое состояніе своей жены, урожденной княжны Горчаковой. Насколько расточительно онъ жилъ, можно судить по тому, что бѣлье отдавалось въ стирку не въ Россіи, а отправлялось на спеціальныхъ подводахъ въ Голландію.

Сынъ его Николай (отецъ Л. Н. Толстого), напротивъ, отличался выдержкою и трудовою настойчивостью. Очутившись послѣ смерти отца безъ средствъ, онъ принялъ на себя всѣ обязательства своего отца и постепенно удовлетворилъ кредиторовъ, имѣя на своихъ рукахъ родственниковъ, между которыми была и Т. А. Ергольская, воспитавшая впослѣдствіи Льва Николаевича.

VIII.

Въ семейной хроникѣ гр. Толстыхъ есть очень интересный эпизодъ. Отецъ Льва Николаевича, будучи въ 1813 г. послѣ блокады гор. Эрфурта посланъ съ депешами въ Петербургъ, на возвратномъ пути, при мѣстечкѣ Сентъ-Оби, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ своимъ крѣпостнымъ денщикомъ. Послѣдній незамѣтно спряталъ въ сапогъ все золото своего барина и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока они были въ плѣну,

ни разу не разувался. Онъ натеръ себѣ ногу и нажилъ рану, но все время и вида не показывалъ, что ему больно. Зато, по пріѣздѣ въ Парижъ, графъ Николай Ильичъ могъ жить, ни въ чемъ не нуждаясь, и сохранилъ о преданномъ денщикѣ навсегда доброе воспоминаніе.

Такимъ образомъ то глубокое чувство, которое Л. Толстой питаетъ къ духовнымъ силамъ русскаго человѣка, имѣетъ въ немъ какъ бы наслѣдственные корни. И корни эти постепенно углублялись въ немъ подъ вліяніемъ знакомства съ народомъ—то въ роли дѣятельнаго помѣщика и мирового посредника, то въ положеніи сельскаго учителя, пытливо вникавшаго въ каждую подробность въ своей ясно-полянской школѣ, то, наконецъ, при свободномъ общеніи съ простымъ людомъ во время полевыхъ работъ и совмѣстныхъ путешествій пѣшкомъ. Благодаря своему наряду и непринужденности въ обращеніи, Льву Николаевичу удается вездѣ завязывать свободныя отношенія съ простонародьемъ и выслушивать отъ него ничѣмъ неподкрашенныя мнѣнія.

Л. Н. Толстой на пашнѣ (съ наброска И. Рѣпина).

Однажды онъ шелъ съ своимъ пріятелемъ изъ Москвы въ Тулу. По дорогѣ, возлѣ кучи щебня, они увидѣли мужика, который сердито отбивалъ камнемъ каблукъ на сапогѣ и крѣпко ругался. Онъ натеръ сапогомъ ногу, и это очень сердило его. Путники подошли къ нему, разговорились и затѣмъ пошли вмѣстѣ. У рабочаго былъ недовольный видъ и онъ все время жаловался на людскую несправедливость: работалъ онъ на заводѣ, а хозяинъ не заплатилъ ему «за литье» сколько слѣдо-

вало. Левъ Николаевичъ все время слушалъ рабочаго, затѣмъ сказалъ серьезно:

— Тутъ что-нибудь не такъ, Иванъ Семеновъ!

— Побей меня Богъ, все было, какъ я говорю!—возразилъ горячо Иванъ Семеновъ и въ подтвержденіе своихъ словъ показалъ Льву Николаевичу квитки изъ завода.

Такъ они прошли вмѣстѣ около 3-хъ сутокъ, останавливаясь на постоялыхъ дворахъ для отдыха и бесѣдуя уже, какъ старые пріятели. Очутившись съ глазу на глазъ съ спутникомъ Льва Николаевича, Иванъ Семеновъ спросилъ съ любопытствомъ:

— Скажи, пожалуйста, кто такой этотъ Лёвъ Николаичъ?

— Да такъ себѣ старикъ. А что?

— Божественный старикъ!

На послѣднемъ привалѣ напились путники чаю, Левъ Николаевичъ прощается съ Иваномъ Семеновымъ и говоритъ:

— Какъ хорошо Богъ привелъ насъ познакомиться и вмѣстѣ время провести. А только все же мнѣ кажется, Иванъ Семеновъ, что ты намъ всей правды о себѣ не сказалъ.

У Ивана Семенова показались слезы на глазахъ.

— Прости меня, Лёвъ Николаичъ, совралъ я тебѣ: деньги-то я всѣ дочиста получилъ отъ хозяина и пропилъ ихъ, окаянный.

Въ другой разъ Левъ Николаевичъ съ своимъ спутникомъ догнали на дорогѣ больного мальчика, который былъ очень слабъ, и взяли его съ собою. Хозяйка постоялаго двора, когда увидала, что мальчикъ очень плохъ, разсердилась и закричала:

— Уходите, уходите! Что это вы привели сюда совсѣмъ дохлаго. Онъ еще умретъ здѣсь.

Левъ Николаевичъ помолчалъ немного и кротко сказалъ:

— Это не нашъ мальчикъ, а чужой. Мы его взяли, потому что онъ былъ безпомощенъ. Подумайте, какъ бы вамъ было тяжело, если бы вы были въ безпомощномъ положеніи и никто не хотѣлъ бы помочь вамъ.

Хозяйка смягчилась, приняла путниковъ, матерински ухаживала за мальчикомъ и потомъ все повторяла ему:

«Вотъ видишь, добрые люди подобрали тебя и привели. А не будь добрыхъ людей... не будь добрыхъ людей на свѣтѣ, что жъ бы это было?»

Частое и свободное общеніе съ народомъ дало возможность Льву Николаевичу накопить большой запасъ свѣдѣній изъ народной жизни и выработать тотъ богатый, красочный языкъ, который позволяетъ ему быть хозяиномъ въ самыхъ разнообразнѣйшихъ слояхъ мысли и чувства.

Въ бесѣдѣ съ крестьянами Л. Н. Толстой никогда не подделывается подъ ихъ тонъ, а держитъ себя просто и серьезно, какъ бывалый, умный мужикъ, которому знакомы всѣ оттѣнки крестьянской жизни. Онъ знаетъ, кому что надо сказать и чѣмъ кого можно взять.

Въ одно изъ своихъ путешествій зашелъ онъ ночевать на сельскій постоялый дворъ. Хозяинъ двора, крутой, нравный старикъ, разсердился за что-то на своего сына-юношу и началъ его бить, затѣмъ схватилъ за волосы и поволокъ изъ комнаты. Левъ Николаевичъ сталъ убѣждать мужика. Но тотъ вошелъ въ азартъ и не обращалъ ни на что вниманія. Тогда Левъ Николаевичъ сказалъ ему съ укоромъ:

— Стыдись! Вѣдь этого и звѣрь надъ звѣремъ не станетъ дѣлать. А ты называешься христіаниномъ. Какъ же ты Бога не боишься?

Это задѣло мужика и онъ злобно крикнулъ:

— Такъ что жъ, по твоему мудрому разуму, значитъ не надо и дѣтей своихъ учить?

— Надо учить, но *не бить*, — сказалъ Левъ Николаевичъ.

— А ты знаешь, что сказалъ грахъ Арачкеевъ?—спросилъ мужикъ злымъ, вызывающимъ тономъ.

— Что?

— *Девять человѣкъ убей, а десятаго выучи...*

Не успѣлъ мужикъ договорить всей фразы, какъ Левъ Николаевичъ подскочилъ къ нему съ загорѣвшимися глазами и закричалъ:

— Не смѣй такъ говорить! Бога въ тебѣ нѣтъ. И знай: и тотъ звѣрь, кто сказалъ это...

И въ лицѣ и въ голосѣ его было при этомъ нѣчто такое, предъ чѣмъ сразу потухло бѣшенство жестокаго мужика.

Пронизывающая острота взгляда, которымъ Левъ Толстой иногда какъ бы сверлитъ человѣка и забирается въ самую глубь его души, дѣлаетъ часто ложь невозможной для его собесѣдниковъ.

Въ августѣ 1896-го года въ Ясной Полянѣ произошло трагическое событіе: кучеръ нашелъ въ пруду мертваго ребенка. Вся семья Толстыхъ была очень потрясена этимъ событіемъ. Особенно удручалась одна изъ дочерей Льва Николаевича, будучи почти убѣждена, что мертвый ребенокъ принадлежитъ косой вдовѣ, скрывавшей свою беременность. Но вдова упорно отрицала взводимое на нее обвиненіе и клялась, что она невинна.

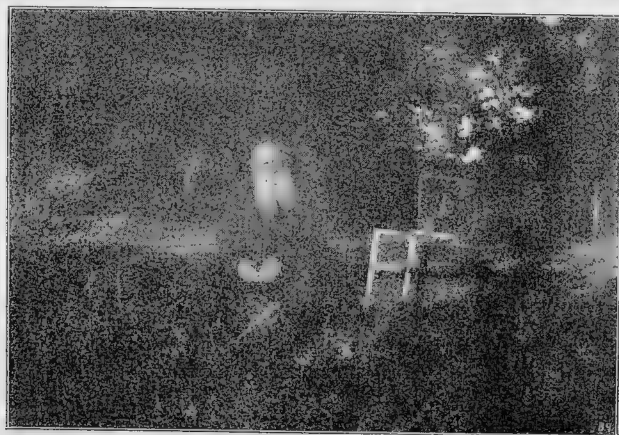
Начали возникать подозрѣнія на другихъ.

Предъ обѣдомъ Левъ Николаевичъ отправился въ паркъ, чтобы пройтись немного, но вернулся нескоро, при чемъ видъ у него былъ усталый и взволнованный. Онъ былъ на деревнѣ, у косой вдовы. Не убѣждая ее ни въ чемъ, онъ только внимательно выслушалъ ее и сказалъ:

— Если это убійство дѣло не твоихъ рукъ, то оно и страданій тебѣ не принесетъ. Если жъ это сдѣлала ты, то тебѣ должно быть очень тяжело теперь... такъ тяжело, что ничего ужъ болѣе тяжелаго для тебя не можетъ быть въ этой жизни.

— Охъ, какъ тяжело мнѣ теперь, будто кто камнемъ сердце надавилъ!—вскрикнула, зарыдавъ, вдова и чистосердечно призналась Льву Николаевичу, какъ она задушила своего ребенка и какъ бросила его въ воду.

Оттого онъ и былъ такъ задумчивъ.

Л. Н. Толстой въ саду.

IX.

Знакомство съ жизнью русскаго народа не могло пройти безслѣдно для такой чуткой натуры, какъ у Л. Н. Толстого. Не могъ онъ съ его сильно развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства не страдать мучительно, видя кругомъ себя вопіющую нужду и невѣжество.

Л. Н. Толстой во время переписи въ Москвѣ (съ наброска И. Рѣпина).

И Льва Толстого охватываетъ желаніе облегчить хоть нѣсколько участь своего народа. Онъ начинаетъ все ближе и ближе принимать къ сердцу его интересы и переходитъ, наконецъ, на народную литературу. Онъ посѣщаетъ ночлежные дома, составляетъ народные календари, букварп и книжки съ популярнымъ изложеніемъ о воздухѣ, о работѣ солнца и проч. и проч.

Это былъ не случайный скачокъ въ сторону, а сознательный поворотъ на дорогу, которую онъ обходилъ прежде.

Онъ напоминалъ собою, говоря его словами, человѣка, который, избравши извѣстный путь, вернулся бы назадъ. Все, находившееся у него съ лѣвой стороны, очутилось справа, а все, что было справа, стало слѣва.

Увлеченный въ 1891-мъ году очень важною для него работой, Л. Н. Толстой, однако, не задумываясь, бросаетъ ее, бросаетъ свои укоренившіяся привычки, съ которыми разставаться въ его годы не такъ-то легко, и уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ голодныя мѣста, чтобы облегчить участь голодающихъ.

Личными своими усиліями Левъ Николаевичъ основываетъ

Л. Н. Толстой провѣряетъ списки голодающихъ (1891 г.).

болѣе 200 столовыхъ, переѣзжая и переходя по сугробамъ изъ села въ село, во время вьюгъ и трескучихъ морозовъ.

Съ устройствомъ всякой столовой связано не мало хлопотъ, требующихъ осмотрительности, такта, энергіи и терпѣнія. Приходилось вести сложныя отчетности по складу, по пріему пожертвованій, по распредѣленію провизіи, по доставкѣ и отправкѣ различныхъ матеріаловъ.

На призывъ Л. Н. Толстого откликнулись со всѣхъ мѣстъ, даже изъ-за границы. Всѣ вѣрили, что шлютъ свои пожертвованія въ надежныя руки. И это было удивительное по подъему чувствъ время, ждущее своего историка. Но все-таки это была капля въ морѣ народной нужды. Приходилось отказывать, приходилось дѣлать *выборъ между голодными.*

Л. Н. Толстой съ дочерью Татьяной Львовной.

Л. Н. Толстой, съ присущею ему энергіей, внесъ много практическихъ нововведеній въ организованное имъ дѣло, окрыляя всѣхъ своимъ присутствіемъ. Но, не взирая на всю его закаленную выносливость, онъ доходилъ иногда до такого утомленія, что не могъ безъ усилій выразить сразу самую простую мысль, не могъ назвать сразу ту вещь, которая ему была нужна.

— Таня, — говорилъ онъ своей старшей дочери, сопровождавшей его и дѣлившей съ нимъ всѣ невзгоды ихъ новой жизни,—надо непремѣнно завтра послать...

И Левъ Николаевичъ забывалъ, что и куда надо послать, несмотря на свою необыкновенно цѣпкую память.

*

X.

Любовь Л. Н. Толстого къ простому люду стала брать и теперь беретъ у него значительное количество силъ и времени. Онъ завязалъ много отношеній въ этомъ направленіи, оборвать которыя уже нельзя. Нельзя отказать мужику въ свиданіи или отдѣлаться подачкой, когда онъ проситъ написать ему прошеніе въ судъ. Нельзя отдѣлаться милостыней отъ бабы, у которой, по случаю смерти мужа, хлѣбъ не убранъ. И Л. Н. Толстой пишетъ прошеніе мужику, помогаетъ въ рабочую пору горемычной крестьянкѣ убрать хлѣбъ, терпѣливо перенося при этомъ чувствительную боль въ ногѣ отъ ушиба о колесо, какъ терпѣливо переносилъ денщикъ не менѣе чувствительную боль ради любви къ другому.

Но боль въ ногѣ отъ ушиба все увеличивается. Графиня Софья Андреевна ѣдетъ въ Москву и тайкомъ отъ Льва Николаевича привозитъ доктора, который объявляетъ, что еще одинъ день и дѣло могло бы кончиться катастрофой. Температура у Льва Николаевича поднялась уже до 40°. Пришлось лечь въ постель и пролежать нѣсколько недѣль, давшихъ міру *Власть тьмы.*

Большая часть этой пьесы была продиктована Львомъ Николаевичемъ и заняла въ общемъ нѣсколько недѣль. Ни одно изъ его произведеній не давалось ему такъ легко, потому что

и работая въ полѣ, и бесѣдуя съ мужиками, онъ тѣмъ самымъ уже подготовлялся къ своей работѣ.

Л. Н. Толстой въ рабочую пору въ деревнѣ (съ наброска Л. Пастернака).

И требовать отъ него, чтобы онъ занимался исключительно изящною словесностью, значитъ требовать отъ него отреченія отъ своей личности и отъ потребностей своей души.

И непонятно, какъ могъ такой чуткій и развитой человѣкъ, какъ Тургеневъ, не понимать того внутренняго броженія, которое переживалъ Л. Н. Толстой, и серьезно думать, что авторъ *Войны и мира* можетъ перестать жить художественными образами, воспроизведеніе которыхъ составляетъ для истиннаго художника такую же неодолимую потребность, какъ цвѣтеніе для нѣкоторыхъ растеній. И никогда Левъ Толстой не умерщвлялъ

въ себѣ художника и не засушивалъ того душевнаго состоянія, которое называется вдохновеніемъ. Напротивъ, въ немъ при всякихъ условіяхъ какъ бы дымилась всегда жажда художественнаго творчества. И по неутолимости этой жажды его можно сравнить изъ русскихъ дѣятелей только съ Антономъ Рубинштейномъ.

Возвращаясь въ текущемъ году какъ-то ночью домой въ Москвѣ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ, Левъ Николаевичъ вдругъ остановился и, потянувъ жадно воздухъ въ себя, проговорилъ съ страстностью:

— Боже, какъ мнѣ писать хочется! Голова моя кишитъ образами.

— За чѣмъ же остановка, Левъ Николаевичъ? — спросилъ его спутникъ.

— За временемъ. Работы—на сто лѣтъ, а жить осталось три дня.

— Что вы, Левъ Николаевичъ?!

— Ну, еще нѣсколько мѣсяцевъ. Во всякомъ случаѣ немного. И хочется въ эти послѣдніе дни сказать что-нибудь хорошее. Быть можетъ Богу угодно, чтобы я не даромъ прожилъ мой вѣкъ и хоть подъ конецъ своихъ дней сдѣлалъ что-нибудь достойное. И какъ много есть писать о чемъ! Говорятъ, всѣ интересныя темы исчерпаны. Это не вѣрно. Вотъ, напримѣръ...

И онъ началъ развивать тему, касающуюся одной стороны семейныхъ отношеній, дѣйствительно еще никѣмъ не затронутую въ литературѣ.

— Еще очень интересуетъ меня,—продолжалъ съ одушевленіемъ Левъ Николаевичъ,—одна тема: это тѣсное соединеніе разнообразныхъ духовныхъ качествъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Тотъ самый человѣкъ, который въ сущности очень уменъ, проницателенъ и благороденъ, въ то же время и очень ограниченъ, и мелокъ, и ничтоженъ. Еще есть интересная тема, касающаяся характеровъ ума. Какъ бываютъ характеры страстей, такъ есть и характеры умовъ. Иной, очень крупный умъ, но видитъ только извѣстнымъ образомъ. И вещи, легко доступныя для болѣе мелкаго ума, для него недостижимы. Отсюда вытекаютъ различныя острыя столкновенія въ общественной жизни.

Спутникъ Льва Николаевича спросилъ:

— Начали же вы разрабатывать хоть какую-нибудь одну изъ этихъ темъ?

— Нѣтъ, это все еще пока въ проектѣ. Я занятъ теперь другою работой.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды одна дама спросила:

— Левъ Николаевичъ, правда ли, что вы пишете въ настоящее время повѣсть изъ кавказской жизни, гдѣ фигурируетъ одинъ изъ сподвижниковъ Шамиля?

— Да, да, пишу. Я все пишу,—сказалъ скороговоркой и неохотно Левъ Николаевичъ. Но затѣмъ добавилъ поясняющимъ тономъ: — Я говорю серьезно, что все пишу. Спросите: не пишу ли я какого-нибудь разсказа? Пишу. Не пишу ли романа? Пишу и романъ. А не думаю ли написать пьесу? И пьесу пишу. Все пишу.

И дѣйствительно онъ всегда и очень много пишетъ. Но изъ написаннаго имъ далеко не все отдаетъ въ печать. Онъ очень требователенъ къ себѣ.

Въ 1896-мъ году Л. Н. Толстой кончилъ повѣсть, надъ которой много работалъ. Слышавшіе отрывки изъ этой повѣсти находили, что по силѣ изобразительности нашъ знаменитый писатель сдѣлалъ еще шагъ впередъ, и были увѣрены, что въ непродолжительномъ времени повѣсть появится въ печати. Но онъ не торопился отдавать свою новую работу въ печать, разсчитывая еще поработать надъ нею.

Л. Н. Толстой (съ наброска И. Рѣпина).

Но когда недавно спросили его объ отложенной повѣсти, онъ покачалъ головой и сказалъ тономъ, какимъ говорятъ о вещахъ, не имѣющихъ интереса:

— Нѣтъ, нѣтъ, Богъ съ нею! И тема эта не моя, и манера рутинная, которую надо бросать.

Къ литературнымъ темамъ Левъ Николаевичъ относится, какъ и большинство писателей, съ нѣкоторою жадностью. Слу-

шая какой-нибудь характерный разсказъ, онъ уже какъ бы примѣряетъ и облюбовываетъ его, подобно хорошему плотнику, посматривающему на хорошее, сухое дерево. Разъ онъ разсказалъ намъ объ одномъ интересномъ судебномъ процессѣ, происходившемъ въ московской судебной палатѣ. Окончивши разсказъ, Л. Н. добавилъ:

— Вѣдь это готовый, чисто мопассановскій разсказъ. Для какого-нибудь молодого писателя это настоящая находка. Впрочемъ, можетъ быть, я еще и самъ воспользуюсь имъ, — сказалъ онъ съ поспѣшностью, какъ бы боясь, чтобы кто-нибудь не присвоилъ интересную тему. Черезъ нѣкоторое время мнѣ пришлось слышать, какъ онъ опять разсказывалъ о томъ же эпизодѣ, и я былъ пораженъ нѣкоторыми художественными подробностями, которыя уже успѣли пройти за это время черезъ художественную лабораторію Льва Толстого, можетъ быть, помимо его воли.

Но для того, чтобы какая-нибудь тема сдѣлалась для него предметомъ творчества, надо очень многое. Прежде всего надо, чтобы она отличалась новизною, ясностью и внутреннею цѣнностью. Затѣмъ надо, чтобы та сторона жизни, которую охватываетъ сюжетъ, была хорошо извѣстна Льву Николаевичу: онъ не любитъ писать «по слухамъ». Наконецъ, послѣднее условіе: необходимо, чтобы сюжетъ *захватилъ* его, какъ кашель захватываетъ человѣка. Тогда только онъ можетъ взяться за работу и отдаться ей съ увлеченіемъ истаго художника.

— Какая у насъ была сегодня превосходная охота на русака!—говоритъ онъ съ одушевленіемъ своей женѣ, выходя изъ кабинета послѣ работы и имѣя такой видъ, какъ будто онъ былъ дѣйствительно на удачной охотѣ на русака. (Въ Л. Толстомъ до сихъ поръ бьется жилка охотника, но онъ подавляетъ ее въ себѣ вслѣдствіе этическихъ требованій.)

Своею манерой работать Левъ Николаевичъ напоминаетъ прежнихъ живописцевъ. Установивъ планъ работы и собравъ большое количество этюдовъ, онъ сначала какъ бы набрасываетъ эскизъ углемъ и пишетъ быстро, не думая о частностяхъ. Написанное такимъ образомъ онъ отдаетъ переписать начисто гр. Софьѣ

[illegible]

архиерей особенно обласкал его и старец сказал ему, что он не вправе удерживать его, если его назначают

[illegible]

В. Келлер

Съ рукописи новой повѣсти Л. Н. Толстого (*О. Сергій*).

Андреевнѣ, или одной изъ дочерей, или кому-нибудь изъ его интимныхъ пріятелей, которымъ эта работа можетъ доставить удовольствіе. Пишетъ Левъ Николаевичъ обыкновенно на четвертушкахъ простой бумаги низкаго качества крупнымъ веревочнымъ почеркомъ, исписывая иногда въ день по 20 страницъ, что составляетъ болѣе половины печатнаго листа. Но ни изъ бумаги, ни изъ перьевъ онъ не дѣлаетъ себѣ привычекъ, и когда одна изъ торговыхъ фирмъ задумала выпустить въ свѣтъ *толстовскія перья*, то у Льва Николаевича на этотъ счетъ не оказалось никакого мнѣнія. Работаетъ онъ преимущественно утромъ, между 9-ю и 3-мя часами, считая этотъ промежутокъ времени самымъ лучшимъ для роботы. Добиться свиданія съ нимъ въ это время, если гр. Софья Андреевна бываетъ дома, почти невозможно. Она заботливо охраняетъ его рабочіе часы и, можно сказать не грѣша, что, пожалуй, отказалась бы допустить ко Льву Николаевичу даже и короля, если бы король могъ помѣшать его работѣ. Въ этомъ отношеніи едва ли еще кто-нибудь изъ русскихъ писателей имѣлъ такого вѣрнаго тѣлохранителя, какого имѣетъ Левъ Николаевичъ въ лицѣ своей заботливой жены.

Въ міровоззрѣніяхъ своихъ они, однако, расходятся. Онъ представляетъ собою какъ бы небо въ своей семьѣ, она — землю.

Но живутъ они любовно. Она, какъ неусыпная нянька, заботится о немъ, сама обшиваетъ его и только на самое короткое время разстается съ нимъ. Онъ по-христіански относится къ ея слабостямъ и высоко цѣнитъ ея искренность и прямоту.

Сентябрь 1895 г. Ясная Поляна

Софія Толстая

Левъ Толстой

XI.

Въ 1895-мъ году въ февралѣ у Толстыхъ умеръ ихъ меньшой сынъ, 7-милѣтній Ванечка, очень симпатичный мальчикъ, отчасти напоминавшій по внѣшности своего отца. Левъ Николаевичъ отнесся къ этому чувствительному для него удару съ христіанскимъ смиреніемъ. Нѣкоторые изъ его знакомыхъ, бесѣдовавшіе съ нимъ въ эти печальные дни, даже не знали объ его тяжелой утратѣ. Но Софья Андреевна была ошеломлена своимъ горемъ и несла его съ трудомъ. Жизнь утратила для нея интересъ и она молила Бога о смерти. Въ теченіе этого остраго кризиса Левъ Николаевичъ относился къ ней съ тою особенною сострадательностью и чуткостью сердца, которыя такъ плѣнительны въ немъ. Однажды мнѣ показалось, что онъ былъ даже не искрененъ, чтобы только не сдѣлать больно Софьѣ Андреевнѣ. Дѣло было такъ.

Съ наступленіемъ весны Левъ Николаевичъ обыкновенно спѣшитъ поскорѣе убраться изъ города въ Ясную Поляну. Не любя вообще города, въ весеннее время онъ питаетъ къ нему непреодолимое отвращеніе. Но весною 1895-го года онъ остался до самаго іюня въ Москвѣ ради убитой горемъ жены, которая не хотѣла уѣзжать въ деревню, пока у мальчиковъ не кончатся экзамены. Въ концѣ мая мнѣ пришлось навѣстить Льва Николаевича. Видъ у него былъ изнуренный. Зная, какъ онъ любитъ деревню весною, я сказалъ:

— Воображаю, какъ вы истомились здѣсь?

Въ это время въ комнату вошла Софья Андреевна.

— Нисколько... Я отлично себя чувствую здѣсь, — проговорилъ быстро и громко Левъ Николаевичъ.

Она взглянула на него благодарными глазами и сказала:

— Не знаю, какъ ты себя чувствуешь. Но мнѣ очень тяжело, что ты до сихъ поръ изъ-за меня живешь въ Москвѣ — въ этой духотѣ и сутолкѣ.

— И ты совершенно напрасно тревожишься. Мнѣ очень хорошо здѣсь.

Но можетъ быть ему и дѣйствительно въ тотъ моментъ было хорошо.

Французскій писатель Рише, будучи у Толстыхъ, какъ-то заявилъ Софьѣ Андреевнѣ, что будто у нея не могло быть времени для личнаго счастія при такомъ великомъ мужѣ. Но мнѣ кажется, что это фраза. Въ ограниченныхъ предѣлахъ человѣческаго счастія и Левъ Николаевичъ и Софья Андреевна были счастливы въ свое время и взяли отъ жизни если не все, что могли, то во всякомъ случаѣ очень многое. Онъ далъ ей умнаго, здороваго, вѣрнаго и страстно-любящаго мужа. Она въ самый расцвѣтъ его силъ дала ему тихое, не замутимое грозами счастіе съ длиннымъ рядомъ семейныхъ радостей, отразившихся потомъ въ его произведеніяхъ. И будущій историкъ русской литературы едва ли можетъ пройти безъ вниманія мимо графини Софьи Андреевны.

Графъ Соллогубъ въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ въ Ясную Поляну однажды сказалъ Льву Николаевичу:

— Какой вы счастливецъ, дорогой мой! Судьба дала вамъ все, о чемъ только можно мечтать: прекрасную семью, милую, любящую жену, всемірную славу, здоровье—все.

— Да это вовсе не потому, чтобы судьба особенно благоволила мнѣ, — отвѣтилъ Левъ Николаевичъ, — а потому, что я желалъ всегда только того, что мнѣ посылалъ Богъ. Онъ далъ мнѣ такую жену, и я доволенъ ею и не хочу другой.

Изучивши подробно въ теченіе многихъ лѣтъ привычки своего мужа, гр. Софья Андреевна по выходѣ Льва Николаевича изъ кабинета уже по одному его виду знаетъ, какъ ему работалось и въ какомъ онъ

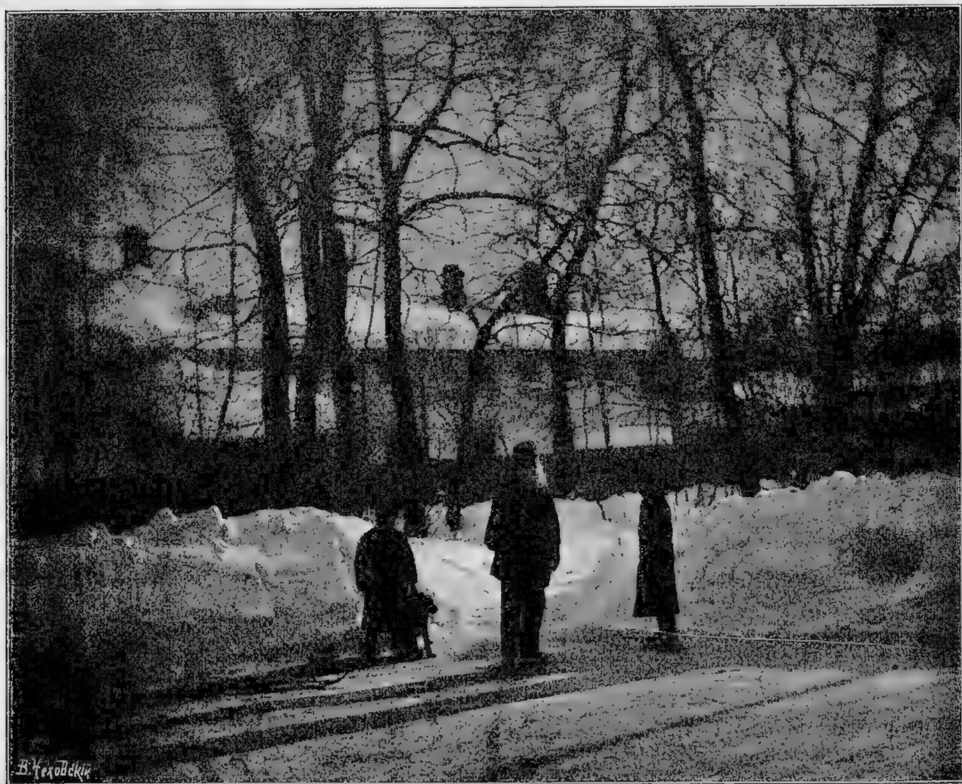

Л. Н. Толстой съ своею женой и дочерьми въ Ясной Полянѣ.

настроеніи. И если нужно что-нибудь переписать для него, то она немедленно всѣ свои дѣла, которыхъ у нея всегда полны руки, отложитъ; и солнце въ этотъ день можетъ не появляться, а къ извѣстному часу все, что нужно, непремѣнно будетъ ею четко переписано и положено на письменный столъ.

XII.

Послѣ утренней работы Левъ Николаевичъ обыкновенно выходитъ на воздухъ, и если это въ Москвѣ, то отправляется пѣшкомъ въ городъ и посѣщаетъ своихъ знакомыхъ, или бѣгаетъ въ своемъ саду на конькахъ, или ѣздитъ верхомъ, или на велосипедѣ, смотря по состоянію погоды. Мускульныя дви-

Л. Н. Толстой на каткѣ въ своемъ саду въ Москвѣ (1898 г.).

женія на воздухѣ составляютъ для него ничѣмъ незамѣнимую потребность, удовлетвореніе которой бываетъ иногда, однако, связано съ нѣкоторымъ рискомъ и создаетъ для Софьи Андреевны рядъ тревожныхъ минутъ. Поѣхалъ Левъ Николаевичъ верхомъ или на велосипедѣ и обѣщалъ вернуться тогда-то. Наступаетъ извѣстный часъ, его нѣтъ. Софья Андреевна начинаетъ безпокоиться и ею овладѣваютъ мрачныя мысли:

Л. Н. Толстой зимою на лошади (1897 г.).

«При годахъ Льва Николаевича легко слетѣть съ велосипеда или упасть съ пугливой лошади и разбиться на смерть. Въ его возрастѣ нельзя предпринимать такихъ экскурсій, потому что мышцы уже дѣлаются подобными изношенной ткани. Но что съ нимъ подѣлать? Развѣ его можно разубѣдить въ чемъ нибудь?»

Присутствующіе отчасти раздѣляютъ взгляды Софьи Андреевны и постепенно заражаются ея безпокойствомъ.

Но вотъ входитъ Левъ Николаевичъ, по обыкновенію, свѣже-оживленный послѣ прогулки, и тучи мигомъ разсѣиваются.

Однажды даже составилось нѣчто въ родѣ заговора противъ велосипедной ѣзды Льва Николаевича. У Толстыхъ была въ гостяхъ женщина-врачъ, которая находила, что ѣздить Льву Николаевичу на велосипедѣ по 30-ти верстъ очень рискованно. Какъ разъ въ этотъ день былъ полученъ англійскій иллюстрированный журналъ со статьей о вредѣ велосипедной ѣзды.

Рѣшено было, что я, какъ бы случайно, заговорю о велосипедной ѣздѣ, женщина-врачъ поддержитъ меня, выскажетъ свои соображенія касательно велосипеда и подкрѣпитъ ихъ доводами изъ англійскаго журнала, который тутъ же будетъ ле-

жать раскрытымъ для вящшей убѣдительности. Все было придумано нами очень хитро, и Левъ Николаевичъ долженъ былъ непремѣнно попасть въ разставленныя для него сѣти. Но заговоръ нашъ, какъ и большинство заговоровъ, далъ трещину, и главнымъ образомъ по моей винѣ. Въ самый критическій моментъ, когда я долженъ былъ сдѣлать своего рода «стартъ», мнѣ стало совѣстно, что я буду какъ бы дурачить человѣка, котораго я глубоко уважаю и люблю, и я упорно молчалъ, не взирая на сигнальные знаки. Тогда женщина-врачъ единолично приступила къ выполненію заговора. Левъ Николаевичъ внимательно выслушалъ ее и вполнѣ согласился съ нею, что злоупотреблять велосипедною ѣздой не слѣдуетъ; затѣмъ, вѣроятно догадавшись, куда направлялись «послѣдніе выводы опытной науки», сказалъ, что ему еще 20 лѣтъ тому назадъ проф. Захарьинъ строго запретилъ всякія физическія упражненія подъ угрозой, что это можетъ кончиться плохо.

Л. Н. Толстой (1896 г.).

— Но для меня,— прибавилъ Левъ Николаевичъ,— было бы навѣрно уже давно плохо, если бы я послушался Захарьина и пересталъ давать своимъ мышцамъ работу, которая укрѣпляетъ меня, даетъ мнѣ крѣпкій сонъ, бодрое настроеніе и сдѣлала меня похожимъ на рабочую травяную лошадь. Дайте ей только отдохнуть да накормите ее, и она опять годна для работы.

И, какъ бы въ подтвержденіе своей правоты, Левъ Николаевичъ живою, молодою походкой ушелъ къ себѣ въ кабинетъ гдѣ у него всегда есть какое-нибудь спѣшное и неоконченное дѣло.

XIII.

Когда новое произведеніе Льва Николаевича, начисто переписанное, появляется на его рабочемъ столѣ, оно подвергается немедленной переработкѣ. Но это опять все еще нѣчто въ родѣ эскиза углемъ. Рукопись быстро испещряется помарками и вставками между строками, сбоку, снизу и съ переносомъ на другую страницу. Цѣлыя фразы замѣняются другими, которыя, какъ молніей, освѣщаютъ иногда выводимый образъ съ новой стороны. Второй разъ переписанная начисто работа подвергается той же участи. Въ 3-й разъ то же самое. Нѣкоторыя главы переписываются Львомъ Николаевичемъ *болѣе десяти разъ*. Между тѣмъ онъ почти вовсе не заботится о внѣшней отдѣлкѣ и питаетъ даже нѣкотораго рода отвращеніе ко всему подстриженному въ искусствѣ.

— Все это часто лишь засушиваетъ мысль и вредитъ впечатлѣнію,—говоритъ онъ.

И, все больше и больше вооружаясь по мѣрѣ писанія своими воспоминаніями и новыми свѣдѣніями по вопросу, который онъ затрогиваетъ, Левъ Николаевичъ упорно, пытливо и настойчиво работаетъ надъ каждою главой, дѣлая лишь небольшіе перерывы для отдыха и прибѣгая обыкновенно къ раскладыванію пасьянса въ затруднительныя минуты.

Напряженное доискиваніе внутренней ясности въ каждомъ изображаемомъ имъ героѣ составляетъ въ это время самую главную заботу для Льва Николаевича, и онъ любитъ говорить по этому поводу, что *золото добывается усиленнымъ просѣиваніемъ и промываніемъ*.

Только нѣкоторыя сцены удается Льву Николаевичу набросать сразу, подъ живымъ впечатлѣніемъ. Такъ были написаны скачки въ *Аннѣ Карениной* подъ впечатлѣніемъ увлекательнаго разсказа князя Оболенскаго.

По мѣрѣ переписыванія и исправленія работы, однѣ подробности выступаютъ все ярче, другія же какъ бы все стушевываются.

Добившись напряженною работой извѣстной ясности, Л. Н. Толстой прочитываетъ свое новое произведеніе въ кружкѣ

близкихъ ему людей, чтобы воспользоваться ихъ замѣчаніями, пока произведеніе не попало еще въ печать. По окончаніи *Власти тьмы* онъ читалъ свою драму крестьянамъ, но вынесъ изъ этого чтенія мало поучительныхъ указаній. Въ самыхъ захватывающихъ мѣстахъ драмы, которыя Левъ Николаевичъ не можетъ читать безъ слезъ, нѣкоторые изъ слушателей начинали вдругъ смѣяться и расхолаживали чтеца.

Наиболѣе строгимъ критикомъ новыхъ произведеній Л. Н. Толстого бываетъ обыкновенно графиня Софья Андреевна, которая съ присущею ей прямотой и высказываетъ свои мнѣнія. Левъ Николаевичъ иногда соглашается съ нею, иногда же твердо отстаиваетъ намѣченное положеніе.

Отложенная въ долгій ящикъ повѣсть, о которой выше шла рѣчь, была при чтеніи забракована Софьей Андреевной. Мнѣнія свои она обыкновенно выражаетъ прямо и безъ всякихъ обиняковъ. Какъ-то за чаемъ рѣчь зашла о произведеніяхъ Льва Николаевича. Софья Андреевна въ этотъ день держала корректуру *Войны и мира* для новаго изданія и имѣла нѣсколько утомленный видъ. Кто-то изъ гостей спросилъ, доставляетъ ли ей удовольствіе чтеніе въ корректурѣ *Войны и мира* или нѣтъ.

— Нѣкоторыя мѣста — да, — сказала она,—нѣкоторыя же и прежде мнѣ не нравились и теперь не нравятся.

— Какія напримѣръ?

— Какъ разъ я сегодня держала корректуру, гдѣ Пьеръ Безуховъ, попавши въ плѣнъ, начинаетъ смѣяться. Это — натяжка. Въ такую минуту нельзя смѣяться.

Въ это время къ столу подошелъ Левъ Николаевичъ и спросилъ, о чемъ мы бесѣдуемъ. Софья Андреевна отчетливо повторила свое обвиненіе.

— Почему же ты такъ рѣшительно утверждаешь,—спросилъ онъ, — что въ подобныя минуты нельзя смѣяться?.. А я еще сегодня читалъ въ *Архивѣ* о декабристѣ Батенковѣ, который, будучи посаженъ въ тюрьму, громко расхохотался и сказалъ: «вы запираете меня за мои идеи. Но вѣдь идеи мои не здѣсь, а тамъ—разгуливаютъ на свободѣ». Точно такъ же могъ разсмѣяться и Пьеръ.

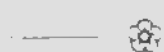
— Нѣтъ, это фальшь. Въ такую минуту *нельзя* смѣяться. И я не понимаю, какъ ты можешь утверждать это..

— А я не понимаю, какъ ты не понимаешь, что нельзя такъ упорно отрицать то, чего ты не понимаешь.

— Это мое мнѣніе.

Левъ Николаевичъ прекратилъ споръ и черезъ нѣсколько минутъ незамѣтно разогналъ собравшіяся въ воздухѣ тучки.

Послѣ всякой вспышки и особенно послѣ всякой несправедливости, сдѣланной имъ, въ немъ всегда начинается сильная реакція и онъ переходитъ въ то милое и просвѣтленное состояніе, о которомъ я уже говорилъ. Кстати будетъ упомянуть здѣсь, что послѣ извѣстной стычки Тургенева съ Л. Н. Толстымъ у Фета-Шеншина,—стычки, вызвавшей вопросъ о дуэли и о которой Тургеневъ самъ говорилъ впослѣдствіи, что онъ велъ себя, *какъ мальчишка*,—Левъ Николаевичъ по собственной иниціативѣ написалъ Тургеневу подъ вліяніемъ добраго побужденія примирительное письмо. Но Тургеневу письмо это не было передано, и ихъ натянутыя отношенія продолжались еще нѣкоторое время.

XIV.

Какъ только разносится слухъ, что Левъ Толстой окончилъ новое произведеніе, къ нему со всѣхъ сторонъ начинаютъ налетать охотники и охотницы съ просьбами—предоставить его новый трудъ въ ихъ распоряженіе, вслѣдствіе особыхъ причинъ, въ которыхъ они находятся. Обыкновенно онъ и отдаетъ кому-нибудь свое новое произведеніе.

Но этимъ не кончаются его заботы о новомъ трудѣ. Есть еще корректура, которая обыкновенно вызываетъ въ Л. Н. Толстомъ приливъ усиленной дѣятельности. За періодъ времени, пока печаталась рукопись, произошло столько событій, накопилось столько новыхъ впечатлѣній, освѣщающихъ нѣкоторыя стороны затронутаго вопроса съ совершенно новой стороны. Между тѣмъ поля корректуры такъ узки, времени для поправокъ такъ мало. И, сдерживая напоръ новыхъ мыслей и

— Микита! крикнулъ онъ.

Никита долго не откликался. Василій Андреевичъ всталъ и пошевеливая скрипящій задокъ, сталъ будить его.

— Микита, аль замерзъ? — Никита пробурчалъ что-то. — А я хочу верхомъ ѣхать.

— Напрасно, Василій Андреевичъ, проговорилъ Никита, не измѣняя своего положенія. — Хуже, съ усиліемъ выговорилъ Никита. — Слушай васъ, дураковъ. Что-жъ, пропадать такъ, ни за что? — и Василій Андреевичъ подошелъ къ лошади и сталъ отвязывать ее.

Отвязавъ лошадь, онъ перекинулъ поводья на шею и хотѣлъ вскочить на нее, но сорвался. Тогда онъ всталъ на сани и хотѣлъ съ саней сѣсть. Но сани покачнулись подъ его тяжестью и онъ опять оборвался. Наконецъ въ третій разъ онъ опять подвинулъ лошадь къ санямъ, сталъ на край ихъ и сдѣлавъ усиліе вскочилъ такъ, что легъ брюхомъ поперекъ спины лошади. Полежавъ такъ, онъ посунулся впередъ разъ два и наконецъ перекинулъ ногу черезъ спину лошади, и оправившись, онъ потянулъ за одинъ поводъ, толкая лошадь ногами отъ саней.

Никита съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ покрывшись дерюжкой за задкомъ саней, сидѣлъ неподвижно. Мысль о томъ, что онъ можетъ и даже по всѣмъ вѣроятіямъ долженъ умереть въ эту ночь, пришла ему въ то время, когда онъ усаживался за санями. Хотя ему еще было тепло, потому что онъ много двигался, лазилъ по сугробамъ, но онъ зналъ, что тепла этого хватитъ не на долго, а что согрѣваться движеніемъ онъ уже будетъ не въ силахъ, потому что чувствовалъ себя сильно усталымъ. Кромѣ того, одна нога его въ прорванномъ сапогѣ остыла и онъ уже не чуялъ на ней большого пальца, и онъ чувствовалъ сонливость, которая, онъ зналъ, была признакомъ замерзанія.

Корректура *Хозяина и работника.*

экономизируя по возможности всякій кусочекъ бумаги, Левъ Николаевичъ превращаетъ корректурные листы въ сплошную сѣть поправокъ. Со второю корректурой происходитъ то же самое. И можно сказать, не преувеличивая, что если бы Льву Николаевичу пришлось держать 99 корректуръ какого-нибудь изъ своихъ произведеній, то и 99-я корректура была бы испещрена поправками.

Чувство самокритики вообще сильно развито въ немъ, и уже на другой день онъ ясно видитъ свои ошибки. Но въ корректурѣ умственная зоркость его еще болѣе изощряется, и иныя главы выходятъ до неузнаваемости измѣнившимися.

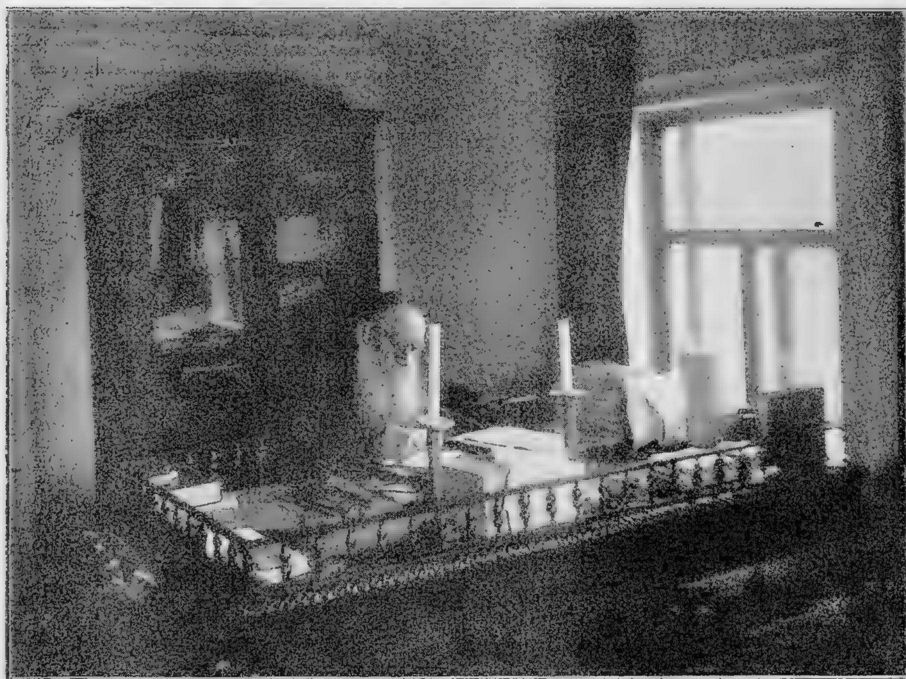
Однажды, когда зашла рѣчь объ усиленной работѣ надъ художественными произведеніями, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Никакою мелочью нельзя пренебрегать въ искусствѣ, потому что иногда какая-нибудь полуоторванная пуговица можетъ освѣтить извѣстную сторону жизни даннаго лица. И пуговицу непремѣнно надо изобразить. Но надо, чтобы и всѣ усилія, и полуоторванная пуговица были направлены исключительно на внутреннюю сущность дѣла, а не отвлекали вниманія отъ главнаго и важнаго къ частностямъ и пустякамъ, какъ это дѣлается сплошь и рядомъ. Какой-нибудь изъ современныхъ писателей, описывая исторію Іосифа съ женой Пентефрія, навѣрно ужъ не пропустилъ бы случая блеснуть знаніемъ жизни и написалъ бы: «Подойди ко мнѣ, — томно произнесла жена Пентефрія, протягивая Іосифу свою нѣжную отъ ароматическихъ натираній руку съ такимъ-то запястьемъ и т. д.». И всѣ эти подробности не только не освѣтили бы ярче сущности дѣла, но непремѣнно бы затушевали ее.

Одинъ изъ знакомыхъ Л. Н. Толстого сравниваетъ его работы съ кушаньями, приготавливаемыми нѣкоторыми домовитыми хозяйками, которыя мало заботятся о внѣшней привлекательности яствъ, но все свое вниманіе сосредоточиваютъ главнымъ образомъ на томъ, чтобы провизія была свѣжая, приготовлялась чисто и кушанье отличалось питательностью.

И дѣйствительно, Левъ Николаевичъ почти вовсе не заботится о внѣшней привлекательности своихъ работъ, часто нагромождая одно придаточное предложеніе на другое, уснащая

ихъ повтореніями одного и того же слова и рѣшительно пренебрегая различными академическими указаніями относительно слога. Но зато тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о «свѣжести» и «чистотѣ», онъ не знаетъ конца своей взыскательности.

Л. Н. Толстой за работой (1898 г.).

Однажды мнѣ пришлось узнать, какъ далеко идетъ его взыскательность. Зашла какъ-то рѣчь о молоканахъ, не признающихъ, какъ извѣстно, другихъ книгъ, кромѣ религіозныхъ. Говорили именно объ этомъ, и одинъ изъ присутствующихъ строго осуждалъ косность молоканъ.

Левъ Николаевичъ находился въ одномъ изъ тѣхъ душевныхъ состояній, которыя даются людямъ только послѣ большихъ внутреннихъ переворотовъ и значительныхъ побѣдъ надъ собою. Человѣкъ въ такомъ состояніи кажется какъ бы перешедшимъ уже порогъ жизни и ставшимъ выше многихъ человѣческихъ слабостей. Общеніе съ людьми, находящимися въ такомъ состояніи, доставляетъ столь высокое наслажденіе, что его нельзя ни съ чѣмъ сравнить. Мысли ихъ прозорливы, чувства глубоки и ясны. Самыя обыденныя слова получаютъ у нихъ

необыкновенную силу. Самыя туманныя положенія пріобрѣтаютъ ясность и рельефъ.

Подобныя минуты душевнаго просвѣтленія какъ бы преображаютъ всегда и наружно Льва Николаевича. Его строгія черты смягчаются, свѣтлѣютъ и принимаютъ отблескъ духовной красоты. Онъ дѣлается милымъ, благосклоннымъ, слушаетъ терпѣливо, говоритъ дружественно и спокойно, слегка наклонивъ голову и сложивъ руки. Среди разговора, когда собесѣдникъ затрудняется въ выраженіи какой-нибудь мысли, онъ мягко кладетъ свою руку на его плечо или на колѣно и однимъ этимъ движеніемъ создаетъ вокругъ себя атмосферу интимности...

Кто видѣлъ его въ такія минуты, тотъ прощаетъ ему всѣ шероховатости его характера и проникается къ нему самымъ глубокимъ чувствомъ, какое только можетъ питать человѣкъ къ человѣку.

Всякое замѣчаніе Л. Н. Толстого въ подобныя минуты принимаетъ особенную цѣнность, потому что онъ какъ бы весь раскрывается въ своемъ духовномъ расцвѣтѣ.

Выслушавъ внимательно своего собесѣдника, относившагося неодобрительно къ молоканамъ, чуждающимся свѣтскихъ книгъ, Левъ Николаевичъ въ раздумьи проговорилъ:

— Да слѣдуетъ ли осуждать ихъ за это? Какъ подумаешь иной разъ, сколько лжи нагромождено въ нашихъ книгахъ, то затрудняешься сказать, гдѣ ея больше—въ жизни или въ книгахъ. И возьмешься иногда за перо, напишешь въ родѣ того, что «Рано утромъ Иванъ Никитичъ всталъ съ постели и позвалъ къ себѣ сына»... и вдругъ совѣстно сдѣлается и бросишь перо. Зачѣмъ врать, старикъ? Вѣдь этого *не было*, и никакого Ивана Никитича ты не знаешь. Зачѣмъ же на старости лѣтъ ты прибѣгаешь къ неправдѣ. Пиши о томъ, что было, что ты дѣйствительно видѣлъ и пережилъ. Не надо лжи. Ея и такъ много.

При подобныхъ этическихъ требованіяхъ нельзя, разумѣется, писать каждый годъ по роману. Если бы даже Левъ Николаевичъ нынѣ и захотѣлъ это сдѣлать, то уже, вѣроятно, не могъ бы, потому что привычка добиваться извѣстной ясности предмета такъ всосалась въ него, что онъ даже письма свои иногда переписываетъ по нѣсколько разъ и сосредоточенно обдумыва-

етъ ихъ, и пишетъ ихъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ женихъ идетъ къ вѣнцу.

Въ другой разъ мнѣ пришлось слышать мнѣніе Льва Николаевича объ его работахъ во время прогулки по полю. Онъ на минуту замедлилъ шаги и сказалъ съ оттѣнкомъ горечи:

— Пишешь-пишешь всякіе повѣсти и разсказы, а какъ посмотришь на жизнь нашей интеллигенціи и сравнишь ее съ трудовою жизнью народа, то совѣстно дѣлается, что занимаешься такими пустяками, какъ писаніе для интеллигенціи. И хочется разъ навсегда бросить все это.

Я сталъ возражать:

— Но какъ же бросить то, что намъ дано Богомъ въ качествѣ Его высшаго дара? И развѣ интеллигенція такъ-таки ужъ и не стóитъ, чтобы для нея работать? Вѣдь вотъ установилось мнѣніе, будто Францію побѣдили не прусскія войска, а нѣмецкій учитель. И въ этомъ есть извѣстная доля правды. Внѣ просвѣщенія нѣтъ полнаго разумѣнія, которое одно только и можетъ дать силу и твердость человѣку. И пока народъ нашъ невѣжествененъ, надъ нимъ еще долго будетъ висѣть *власть тьмы* со всѣми ея чудовищными атрибутами. Кто же, кромѣ интеллигенціи, можетъ внести просвѣтительныя начала въ народныя массы? И развѣ вы, способствуя вашими произведеніями духовному росту интеллигенціи, не служите этимъ попутно уже и народу? Навѣрно служите. Не отворачивайтесь же отъ насъ, какъ отъ недостойныхъ, съ вашимъ божественнымъ даромъ и не лишайте насъ прекрасныхъ образцовъ вашего творчества...

Мы шли быстро, вслѣдствіе чего я дышалъ прерывисто и рѣчь моя приняла страстный тонъ. Левъ Николаевичъ ничего не возразилъ, и нѣкоторое время мы прошли молча. Затѣмъ завязалась бесѣда о задачахъ искусства. Онъ тогда обдумывалъ свою работу: *Что такое искусство?* Трудъ этотъ задуманъ имъ еще въ 70-хъ годахъ, по просьбѣ одного петербургскаго журналиста. Но, взявшись тогда за работу, Левъ Николаевичъ увидѣлъ, что многіе краеугольные вопросы искусства еще недостаточно укрѣплены въ немъ. И только по истеченіи 17-ти лѣтъ, когда все перебродило въ его сознаніи и улеглось, онъ взялся, наконецъ, за начатую работу. Его пись-

менный столъ и этажерка покрылись грудами всевозможныхъ фоліантовъ, касающихся искусства на русскомъ и на иностранныхъ языкахъ.

Благодаря своимъ многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ, онъ имѣлъ возможность познакомиться съ очень рѣдкими и дорогими изданіями, недоступными для каждаго, и въ теченіе нѣсколькихъ подготовительныхъ мѣсяцевъ какъ бы жилъ исключительно своею новою работой, охотно бесѣдуя о ней и развивая въ бесѣдахъ намѣченные тезисы. Работа эта взяла у него около 2-хъ лѣтъ упорнаго труда.

XV.

По выходѣ въ свѣтъ его статьи объ искусствѣ, напечатанной въ сокращенномъ видѣ въ московскомъ журналѣ *Вопросы Философіи и Психологіи*, Левъ Николаевичъ получилъ рядъ сочувственныхъ писемъ отъ лицъ, мнѣнія которыхъ онъ не могъ не цѣнить въ дѣлѣ искусства. Такъ, извѣстный художественный критикъ В. Стасовъ писалъ ему, что при всемъ своемъ несогласіи съ нѣкоторыми мѣстами въ его новой работѣ, онъ считаетъ ее, однако, замѣчательной и представляющей собою послѣднее слово XIX-го вѣка, великаго столѣтія, могущаго кончаться такой неслыханной правдой, неизвѣстной въ теченіе многихъ вѣковъ.

Художникъ И. Рѣпинъ подъ живымъ впечатлѣніемъ прочитанной статьи писалъ Л. Н. Толстому:

«Обожаемый Левъ Николаевичъ! Сейчасъ прочиталъ—*Что такое искусство?* и нахожусь всецѣло подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этого могучаго труда вашего. Если можно не соглашаться съ нѣкоторыми частностями, примѣрами, зато общее и постановка вопросовъ такъ глубоки и неопровержимы, что даже весело дѣлается, радость пронимаетъ. Религія найдена — это самое великое дѣло жизни нашей. Вотъ уже могу безъ всякаго лицемѣрія сказать: я счастливъ, что дожилъ до этого дня».

Всѣ эти выраженія сочувствія трогали Льва Николаевича. Но онъ съ благожелательнымъ чувствомъ относится и къ кри-

тикамъ, не соглашавшимся съ его главными положеніями, но тѣмъ не менѣе дававшимъ ходъ своимъ читателямъ къ его труду. И только, когда критика бывала завѣдомо враждебна или слишкомъ ужъ запальчива, онъ, ничего не говоря, переводилъ разговоръ на другую тему. Но разъ послѣ прочтенія одной изъ такихъ критикъ, написанной съ особенною раздражительностью, онъ вдругъ разсмѣялся и сказалъ:

— Когда читаешь о себѣ, то все-таки очень дорожишь сочувствіемъ и огорчаешься порицаніями. Но въ данномъ случаѣ эта статья доставила мнѣ удовольствіе. Такъ и чувствуешь, что попалъ въ самую средину кучи муравьевъ, и они сердито закопошились.

Чего не переноситъ Л. Н. Толстой—это неумѣренныхъ похвалъ по его адресу и всякихъ вообще преувеличеній въ проявленіи чувствъ. Это всегда его стѣсняетъ, и онъ становится тогда сухъ и непріятенъ. Вообще онъ не любитъ никакихъ одобреній, имѣющихъ запахъ ѳиміама. Его гордость въ такихъ случаяхъ какъ бы бунтуется, что его хотятъ плѣнить не языкомъ души, а медомъ языка. Одинъ изъ его посѣтителей началъ какъ-то разсказывать ему о томъ необыкновенномъ оживленіи, которое было вызвано появленіемъ въ печати *Хозяина и работника*.

Л. Н. Толстой нахмурился и, примѣнивши къ себѣ слова Фокіона, прервалъ говорившаго:

— Развѣ я написалъ что-нибудь очень глупое?..

Будучи очень требователенъ къ своимъ работамъ и считая искусство могущественнѣйшимъ средствомъ въ дѣлѣ распространенія добрыхъ чувствъ между людьми, Л. Н. Толстой не выноситъ въ искусствѣ ничего небрежнаго и скорѣе проститъ отсутствіе таланта, чѣмъ отсутствіе серьезнаго отношенія къ дѣлу. И достаточно какой-нибудь одной крупной небрежности въ чьемъ-нибудь произведеніи, чтобы Льва Николаевича навсегда ужъ отвадило отъ этого автора.

Какъ-то зашла рѣчь о Мельниковѣ-Печерскомъ, къ которому Л. Н. Толстой относился отрицательно. Я спросилъ:

— Левъ Николаевичъ, почему вы такъ равнодушны къ Мельникову? У него вѣдь есть очень хорошія вещи.

— Можетъ быть, — сказалъ Левъ Николаевичъ съ оттѣнкомъ сомнѣнія и сейчасъ же добавилъ: — впрочемъ, не думаю.

Однажды мнѣ попалась въ руки какая-то изъ его книгъ. Я раскрылъ ее и наткнулся на слѣдующее: «русскій мужикъ ронитъ цѣлый дубъ для того, чтобы сдѣлать себѣ изъ сука оглоблю или ось». Тогда я закрылъ книгу и сказалъ себѣ: «довольно съ меня Мельникова».

Можно не соглашаться съ нѣкоторыми отзывами Льва Николаевича о книгахъ и о людяхъ. Но никогда мнѣ не случалось подмѣтить, чтобы онъ проявлялъ ѣдкое, злобное чувство къ кому-нибудь или окрашивалъ высказываемыя имъ мнѣнія въ цвѣтъ своихъ отношеній къ людямъ. Такъ, относясь всегда съ особенною теплотой къ Лѣскову и Н. Страхову, какъ къ людямъ, онъ и при жизни ихъ и послѣ смерти постоянно говорилъ, что въ ихъ бочкахъ съ медомъ есть изрядная доза дегтя. Эта независимость въ сужденіяхъ и сердечная прямота, съ которой Л. Н. Толстой ко всему относится, придаютъ всегда его словамъ особенную цѣнность.

Л. Н. Толстой (1884 г.).

XVI.

Постоянное стремленіе Льва Николаевича къ правдивости и ясности въ своихъ произведеніяхъ беретъ у него много времени не только на самое писаніе, но и на подготовительную работу. Онъ старается найти въ жизни подтвержденія задуманнымъ положеніямъ и немедленно отбрасываетъ все выдуманное, если жизнь подставляетъ готовый эпизодъ. Такъ было съ *Анной Карениной*, которую Л. Н. Толстой сначала не думалъ умерщвлять. Но вблизи Ясной Поляны произошелъ аналогичный романическій эпизодъ, при чемъ несчастная героиня Анна бросилась подъ поѣздъ. Это натолкнуло Л. Н. Толстого на новую разработку вопроса и значительно измѣнило его первоначальный планъ.

Начата была *Анна Каренина* при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Вечеромъ въ 1873-мъ году Левъ Николаевичъ вошелъ въ гостиную, когда его старшій сынъ, Сергѣй, читалъ вслухъ своей теткѣ пушкинскія *Повѣсти Бѣлкина*. При появленіи Льва Николаевича чтеніе прекратилось. Онъ спросилъ, что они читаютъ, раскрылъ книгу и, прочитавши: «гости съѣжались на дачу», пришелъ въ восхищеніе.

— Вотъ какъ всегда слѣдуетъ начинать писать! — сказалъ онъ. —Это сразу вводитъ читателя въ интересъ.

Родственница Толстыхъ заявила, что какъ бы хорошо было, если бы Л. Н. написалъ великосвѣтскій романъ.

Придя въ свой кабинетъ, Левъ Николаевичъ въ тотъ же вечеръ написалъ: «все смѣшалось въ домѣ Облонскихъ».

И потомъ уже, когда началъ писать романъ, помѣстилъ въ началѣ: «Всѣ счастливыя семьи похожи другъ на друга, всякая несчастливая семья несчастна по-своему.

Смерть Ивана Ильича написана Львомъ Николаевичемъ подъ вліяніемъ разсказа одного изъ членовъ московскаго суда о смерти его товарища, Ивана Ильича М.

Крейцерова соната возникла при слѣдующихъ обстоятельствахъ. У Толстыхъ гостили въ Ясной Полянѣ художникъ И. Рѣпинъ, актеръ Андреевъ-Бурлакъ, смѣшившій Льва Николаевича

своими разсказами до боли живота, и пріѣхавшая изъ-за границы г-жа Г., которая однажды вечеромъ сыграла *сонату Крейцера* съ такою яркою выразительностью, что произвела на всѣхъ и на Льва Николаевича въ особенности глубокое впечатлѣніе, подъ вліяніемъ котораго онъ сказалъ И. Рѣпину:

— Давайте и мы напишемъ *Крейцерову сонату*. Вы—кистью, я—перомъ, а Василій Николаевичъ (Андреевъ-Бурлакъ) будетъ читать ее на сценѣ, гдѣ будетъ стоять и ваша картина.

Предложеніе это вызвало общее одобреніе.

Черезъ нѣкоторое время Левъ Николаевичъ, съ присущею ему настойчивостью, взялся за работу, которая давно уже, вѣроятно, бродила въ его головѣ.

Содержаніе *Власти тьмы* цѣликомъ взято изъ одного судебнаго процесса, происходившаго въ Тулѣ.

Плоды просвѣщенія были написаны для домашняго спектакля въ Ясной Полянѣ. Сначала пьеса состояла изъ 2-хъ дѣйствій и называлась *Исхитрилась*. Но по мѣрѣ того какъ шли репетиціи, въ которыхъ Левъ Николаевичъ принималъ дѣятельное участіе, онъ исправлялъ и дополнялъ пьесу, соображаясь съ составомъ дѣйствующихъ лицъ. Во время спектакля нѣкоторые исполнители доставили ему такое большое удовольствіе своею игрой, что нѣкоторыя сцены навсегда запечатлѣлись въ его памяти. Особенно восхитилъ его судебный слѣдователь Л., исполнявшій роль одного изъ мужиковъ.

— Пріѣхалъ онъ, — разсказываетъ Левъ Николаевичъ, — въ Ясную и цѣлый день ни съ кѣмъ почти не разговаривалъ, все ходилъ понуря голову. Но на сценѣ превзошелъ всѣхъ и создалъ изъ своей маленькой роли нѣчто столь прекрасное, чего я не могъ даже предвидѣть, создавая эту роль.

И, одушевляясь, по обыкновенію, когда рѣчь касалась истиннаго дарованія, Левъ Николаевичъ началъ вспоминать игру старыхъ московскихъ актеровъ: Щепкина, Мартынова и др. О Мартыновѣ онъ отзывался съ особеннымъ жаромъ:

— Это былъ великій артистъ,—сказалъ онъ,—сочетавшій въ себѣ три драгоцѣнныхъ качества: талантъ, умъ и способность къ упорному труду. Въ пьесѣ А. Потѣхина *Чужое добро впрокъ не пойдетъ* Мартыновъ былъ такъ безподобенъ, что я,

тогда еще начинавшій литераторъ, поднялъ кличъ, и мы устроили ему великолѣпную овацію.

И когда Левъ Николаевичъ говорилъ это, лицо его утрачивало свой строгій характеръ и загоралось молодымъ, плѣнительнымъ пыломъ увлеченія.

Второй разъ мнѣ пришлось видѣть Л. Н. Толстого въ такомъ же состояніи въ апрѣлѣ текущаго года, когда въ Москвѣ находился талантливый скульпторъ, князь П. Трубецкой, пріѣхавшій изъ Италіи, гдѣ онъ живетъ всегда. Князь Трубецкой выразилъ желаніе сдѣлать бюстъ Льва Николаевича. Когда я пришелъ къ Толстымъ, бюстъ уже былъ начатъ и стоялъ въ нижней столовой, покрытый мокрыми тряпками.

— Вы не слыхали о скульпторѣ Трубецкомъ? — спросилъ Левъ Николаевичъ, здороваясь.

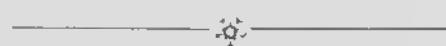
Гипсовый бюстъ Л. Н. Толстого работы кн. П. Трубецкого.

— Нѣтъ.

— Такъ пойдемте, я вамъ кое-что покажу. Какой это удивительный талантъ!—сказалъ Л. Н. оживляясь. И быстрою, живою походкой онъ повелъ меня въ нижнюю столовую, шагая по лѣстницѣ черезъ нѣсколько ступеней. Въ столовой Левъ Николаевичъ подошелъ къ укутанному бюсту и, не переставая съ увлеченіемъ говорить о выдающемся дарованіи князя П. Трубецкого, началъ нерѣшительными пріемами освобождать бюстъ отъ мокрыхъ тряпокъ. Дѣйствительно, даже по той работѣ, которая была сдѣлана княземъ Трубецкимъ въ нѣсколько часовъ, уже можно было су-

дить о выдающемся дарованіи этого скульптора. Передо мною было два Льва Толстыхъ: одинъ—живой, говорящій, воспріимчивый, другой—безмолвный, неподвижный, но знакомый мнѣ такъ же, какъ и первый.

Я съ глубокимъ чувствомъ дѣлилъ мое вниманіе между прекраснымъ произведеніемъ человѣка и образцовымъ созданіемъ природы, произведшей столь прекрасный, художественный темпераментъ, который на семидесятомъ году жизни можетъ еще такъ заразительно пламенѣть жаромъ чистаго восторга.

XVII.

Страстный и горячій темпераментъ, которымъ природа наградила Л. Н. Толстого, не вывѣтрился въ немъ до сихъ поръ. Какъ-то недавно подъ нимъ заартачилась лошадь. Онъ хорошій ѣздокъ и любитъ лошадей по-кучерски—заботливо и нѣжно, умѣя превосходно съ ними справляться. Онъ знаетъ ихъ при-

Гр. Т. Л. Толстая. Л. Н. Толстой (1898).

роду, привычки и повадки, а иногда даже кажется, что онъ понимаетъ и ихъ языкъ. Но тутъ ничто не помогало. Лошадь артачилась и пятилась. Вдругъ Левъ Николаевичъ выпрямился, глаза у него загорѣлись, и хлыстъ, свистя въ воздухѣ, опустился на лошадь. Лошадь пошла. И черезъ минуту никто уже не повѣрилъ бы, что этотъ, просто одѣтый, скромный старикъ съ бѣлою бородой можетъ быть такъ грозенъ.

Но можно сказать навѣрное, что этотъ случай не прошелъ безслѣдно для Льва Николаевича, потому что при его горячемъ темпераментѣ и боевомъ, настойчивомъ характерѣ онъ въ то же время обладаетъ и необыкновенною чуткостью совѣсти, мучительно страдая при всякомъ насиліи.

Въ этомъ сцѣпленіи кипучихъ, властныхъ инстинктовъ съ тонкою духовною организаціей лежитъ глубокій трагизмъ толстовской личности. Рожденный съ сильными страстями и съ характеромъ въ высшей степени упругимъ, ретивымъ и настойчивымъ, представляя собою во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, какъ бы взятаго въ кубѣ, или того *сверхчеловѣка* (Übermensch), о которомъ мечталъ Ницше, Л. Н. Толстой въ то же время обладаетъ всеоблемлющею душой, жаждущей самосовершенствованія. Съ одной стороны — ненасытная жажда власти надъ людьми, а съ другой—неодолимое рвеніе къ внутренней чистотѣ и сладости смиренія.

Прометей въ видѣ согнувшагося бурлака съ лямкой на шеѣ или какой-нибудь Кай-Марцій-Коріоланъ въ положеніи послушника представляли бы менѣе трагическое положеніе. Какая тема для психологической драмы! Между тѣмъ трагизмъ этотъ есть характернѣйшая особенность толстовской личности и просвѣчивается почти во всѣхъ его произведеніяхъ.

Элементы этого трагизма лежатъ въ его религіозномъ рвеніи, которое не можетъ никогда примирить человѣка съ собою и держитъ его душу постоянно въ усиленномъ напряженіи— «рыбы на сушѣ», по характерному выраженію датскаго мыслителя Киркегора.

Это стремленіе стать изъ конечнаго безконечнымъ, изъ пепла—фениксомъ, изъ «мѣшка съ мясомъ»—Богомъ,—стремленіе, лежащее въ потенціальномъ видѣ въ каждомъ писателѣ, — въ

Л. Н. Толстомъ развито въ сильнѣйшей степени и составляетъ какъ бы его вторую природу. Тургеневъ еще въ 50-хъ годахъ писалъ Дружинину о Л. Толстомъ: «когда это молодое вино перебродитъ, изъ него выйдетъ напитокъ, достойный боговъ...» Не догадывался только Тургеневъ, будучи лишенъ религіознаго опыта, что вѣрующій человѣкъ не можетъ никогда «перебродить» и опустить занавѣсъ надъ своимъ внутреннимъ міромъ. Жизнь каждый день создаетъ какое-нибудь новое осложненіе и навьючиваетъ его новыми тяжестями. Не освобождается отъ подобныхъ ношъ никогда и Л. Н. Толстой. Особенно тяжело ему бываетъ въ Москвѣ, гдѣ жизнь его складывается не всегда по его планамъ, и ему приходится часто жить въ чуждой для него сферѣ.

Какъ-то встрѣтилъ онъ на улицѣ одного изъ своихъ посѣтителей и разговорился съ нимъ. Оказалось, что тотъ живетъ холостякомъ, обѣдаетъ, гдѣ ему нравится, и можетъ во всякое время уединиться въ Москвѣ, какъ на необитаемомъ островѣ.

Разсказалъ объ этой встрѣчѣ Левъ Николаевичъ и добавляетъ съ улыбкой:

— И такъ я позавидовалъ ему, что даже совѣстно сказать. Подумайте только: человѣкъ можетъ *какъ ему угодно* жить, не причиняя никому страданій. Право же, это—счастіе!

Разговоръ перешелъ на непреодолимую потребность уединенія для нѣкоторыхъ людей и о тяжести уединенія для иныхъ, которые способны скорѣе перенести всякое страданіе, чѣмъ одиночество. Кто-то привелъ въ примѣръ одного доктора, который сошелъ съ ума послѣ двухмѣсячнаго одиночнаго заключенія.

— Да, да, это можетъ быть,—сказалъ Левъ Николаевичъ.— Но зато для людей, могущихъ черпать содержаніе внутри себя, одиночество можетъ быть истиннымъ счастіемъ.

— Вольное—да, но невольное—нѣтъ,—сказалъ кто-то.

— Почему? Все зависитъ отъ отношеній человѣка къ извѣстнымъ явленіямъ,—возразилъ Левъ Николаевичъ.—Разсказываютъ же объ одномъ господинѣ, который что-то очень долго находился въ одиночномъ заключеніи и презанимательно проводилъ тамъ время. Достигалъ онъ этого слѣдующимъ путемъ: онъ вызывалъ въ своей памяти дорогія ему воспоминанія, по-

сѣщалъ мысленно своихъ друзей и велъ съ ними продолжительныя бесѣды на самыя разнообразныя темы. Такъ проходило у него время; онъ пользовался отличнымъ расположеніемъ духа и хорошимъ сномъ. Но и помимо фантастическихъ бесѣдъ, развѣ у человѣка не о чемъ подумать, когда онъ останется наединѣ? Особенно подъ старость, когда животная жизнь значительно затихаетъ и на первый планъ выдвигаются запросы духа. Тогда часто бываетъ въ тягость быть среди людей, которые чужды тебѣ. Уединеніе же въ такіе годы уже не тягость, а наслажденіе, счастіе, о которомъ можно мечтать только. Нѣкоторые вотъ удивляются Сократу, который умеръ, не желая бѣжать изъ темницы. Но развѣ не лучше умереть сознательно, исполняя свой долгъ, чѣмъ неожиданно отъ какой-нибудь глупой бактеріи? И меня всегда удивлялъ такой умный человѣкъ, какъ Тургеневъ, своимъ отношеніемъ къ смерти. Онъ ужасно боялся смерти. Даже непонятно, какъ онъ не *боялся бояться* смерти? И удивительно было въ немъ это затменіе! Бывало заспорятъ они о религіи съ княземъ Л. Д. Урусовымъ, и Тургеневъ споритъ-споритъ, да вдругъ не выдержитъ, закроетъ уши и, дѣлая видъ, что забылъ фамилію Урусова, закричитъ: «Не могу я больше слышать этого князя Трубецкого».

И Л. Н. Толстой до иллюзіи передаетъ голосъ Тургенева. Будучи въ хорошемъ настроеніи и находясь въ кругу близкихъ знакомыхъ, онъ передаетъ иногда свои впечатлѣнія въ лицахъ и мѣтко оттѣняетъ типическія особенности каждаго лица.

Ясная Поляна.

XVIII.

Съ переѣздомъ весною Толстыхъ изъ Москвы въ Ясную Поляну жизнь Льва Николаевича укладывается въ болѣе удобныя рамки. Во-первыхъ, сама деревня съ ея условіями жизни и съ отсутствіемъ постоянныхъ трагическихъ контрастовъ дѣйствуетъ благотворно на Льва Николаевича; во-вторыхъ, въ Ясной Полянѣ онъ имѣетъ больше времени въ своемъ распоряженіи, хотя «зрители» не оставляютъ его и здѣсь.

Ясная Поляна перешла къ Л. Н. Толстому отъ матери, урожденной княжны Волхонской, которую онъ увѣковѣчилъ въ *Войнѣ и мирѣ* подъ именемъ княжны Маріи Болконской. Кстати упомянуть, что имя *Левъ* было дано ему въ честь ея прежняго, умершаго, жениха, князя Льва Голицына.

Родился Л. Н. Толстой въ Ясной Полянѣ въ 1828-мъ году 28-го августа. Но домъ, въ которомъ впервые увидѣлъ жизнь нашъ великій писатель, уже принадлежитъ теперь другимъ владѣльцамъ и находится въ другомъ селѣ.

Будучи въ началѣ пятидесятыхъ годовъ на Кавказѣ и находясь въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, вслѣдствіе крупнаго проигрыша, Л. Н. Толстой поручилъ одному изъ своихъ родственниковъ продать этотъ домъ на свозъ. И огромный барскій домъ съ колоннами и балконами былъ проданъ что-то около 5.000 руб. ассигнаціями. Въ настоящее время въ домѣ этомъ никто не живетъ и стоитъ онъ въ с. Долгомъ, запущенный и съ заколоченными окнами.

Мнѣ пришлось посѣтить этотъ домъ въ февралѣ мѣсяцѣ текущаго года съ фотографомъ-любителемъ П. В. Преображенскимъ. Гнетущее чувство овладѣло нами, когда мы, балансируя по перекладинамъ, вошли въ полуразрушенный домъ съ торчащими балками, развалившимися стѣнами и грудами мусора, гдѣ когда-то сіяла и билась ключомъ молодая жизнь. Пронизывающій вѣтеръ врывался сквозь щели заколоченныхъ оконъ и поднималъ столбы пыли. Въ угловой комнатѣ, гдѣ родился «великій писатель земли Русской», лежали въ безпорядкѣ какіе-то обломки и былъ навалена разный хламъ.

Отъ прежнихъ украшеній остались только кое-гдѣ куски

орнаментовъ. Но нижній этажъ, гдѣ была классная и гдѣ знаменитый Карлъ Иванычъ щекоталъ пятки своему ученику, уцѣлѣлъ и годенъ для жилья.

Село Долгое и домъ, въ которомъ родился Л. Н. Толстой.

Въ Ясной Полянѣ мнѣ пришлось быть первый разъ осенью 1895-го года.

Было ясное, свѣжее утро, когда поѣздъ Москов.-Курск. жел. дор. остановился около станціи «Козлова-Засѣка», находящейся въ 3-хъ верстахъ отъ Ясной Поляны. Дорога отъ станціи идетъ здѣсь широкою просѣкой черезъ дубовый лѣсъ, который былъ уже тронутъ осенними красками и живописно выдѣлялся на свѣтло-бирюзовомъ небѣ.

Меня везъ въ кабріолетѣ плечистый кучеръ съ черною бородой, подбритой на щекахъ. Онъ говорилъ съ достоинствомъ и отзывался о своихъ господахъ съ одобреніемъ. Особенно нравился ему Левъ Николаевичъ.

— Такихъ господъ, какъ Левъ Николаевичъ,—говорилъ онъ, — должно быть, больше нѣтъ и на свѣтѣ. Они кажутся не то, что старше, а меньше всѣхъ. И всегда, кто бы ни былъ, генералъ ли, простой ли человѣкъ, для нихъ нѣтъ различія. Со всѣми они одинаковы—вѣжливы, обходительны. Графиня тоже хорошая госпожа, но въ другомъ родѣ: страсть какъ порядокъ любитъ.

Мы пересѣкли тянувшееся стрѣлою шоссе и увидѣли на отлогой возвышенности большой садъ, скрывавшій отъ насъ

Ясную Поляну. Садъ, разбитый въ Ясной Полянѣ въ періодъ увлеченія Льва Николаевича хозяйствомъ, очень великъ. Онъ занимаетъ около 30 десятинъ, и во время урожая здѣсь бываетъ море яблокъ.

Предъ въѣздомъ въ Ясно-полянскій паркъ стоятъ двѣ башни

въ средневѣковомъ духѣ, поставленныя еще дѣдомъ Л. Н. Толстого по матери, княземъ Н. С. Волхонскимъ. Отъ башенъ идетъ паркомъ дорога, которая немного поднимается около усадьбы и тянется ровнымъ коридоромъ вѣковыхъ березъ. Сквозь чащу листьевъ блеснулъ прудъ, промелькнула четырехугольная укатанная площадка съ сѣткой для лаунъ-тенниса и, наконецъ, забѣлѣлъ длинный двухъэтажный домъ, гдѣ протекла большая часть жизни Льва Толстого. Домъ этотъ выстроился не сразу, а какъ бы раздвигался по мѣрѣ того, какъ увеличивалась семья.

Въѣздъ въ паркъ Ясной Поляны.

Кабріолетъ обогнулъ бо-

ковой, безъ оконъ, фасадъ дома и остановился около низенькаго крыльца, къ которому протягивалъ свои вѣтвистые стволы старый вязъ, называемый здѣсь *деревомъ бѣдныхъ*. Возлѣ вяза стоитъ скамья, на которой нищіе и крестьяне ожидаютъ Льва Николаевича.

Домъ въ Ясной Полянѣ и *дерево бѣдныхъ*.

Въ небольшой передней съ некрашенымъ поломъ стоялъ широкій шкапъ съ книгами, преимущественно иностранныхъ авторовъ. Около зеркала съ ящикомъ для писемъ блестѣли два велосипеда и виднѣлся длинный ящикъ съ принадлежностями крокета. На подзеркальникѣ лежали 2 пачки англійскихъ газетъ со множествомъ штемпелей и японскій журналъ съ вертикальными строками. Изъ прихожей шла широкая деревянная лѣстница наверхъ. Какъ и въ Москвѣ, отъ всего и здѣсь вѣяло простотою, выдержанностью и солидностью стариннаго барства.

Лакей, вышедшій ко мнѣ изъ-за перегородки со своею маленькою дочерью, радушно привѣтствовалъ меня и сказалъ, что Левъ Николаевичъ наверху съ гостями.

Это было противъ правилъ. Обыкновенно онъ очень дорожитъ утромъ.

Я вошелъ въ очень большой залъ, выходившій окнами въ противоположныя стороны и увѣшанный фамильными почернѣвшими портретами. Посрединѣ комнаты за длиннымъ столомъ

сидѣлъ Левъ Николаевичъ и нѣсколько человѣкъ гостей. Было около 9-ти часовъ утра. На столѣ стояли кипѣвшій самоваръ съ кофейникомъ, чашки, сливки, хлѣбъ, масло.

Левъ Николаевичъ нѣсколько подался за время, въ теченіе котораго я его не видѣлъ. Его сѣдые волосы порѣдѣли, борода отросла и сдѣлалась бѣлѣе. Онъ бесѣдовалъ со студентомъ, жуя хлѣбъ и двигая бородою. Познакомивши меня съ своими гостями и поговоривши нѣсколько минутъ, Левъ Николаевичъ всталъ, налилъ себѣ чашку ячменнаго кофе и, извинившись, направился къ себѣ—работать. Но около двери онъ остановился и сказалъ студенту:

— И увидите вы сами потомъ, что ничего вамъ филологическій факультетъ не дастъ. Ну, будете знать, что написалъ тамъ какой-нибудь Теренцій, когда ему было столько-то лѣтъ. Но, въ сущности, зачѣмъ вамъ это?

Студентъ, тихо и какъ бы стыдясь своего легкомыслія, сказалъ, что его потянуло на филологическій факультетъ влеченіе къ этимъ наукамъ.

Левъ Николаевичъ поспѣшно призналъ законность этого влеченія и, дружески кивнувъ головой, поспѣшно ушелъ внизъ, шаркая подошвами.

Но иногда ему приходится стоять около этой двери по цѣлымъ часамъ съ чашкою или со стаканомъ въ рукѣ. И мѣсто это такъ и называется *заколдованнымъ мѣстомъ*, потому что Левъ Николаевичъ часто вступаетъ на ходу съ кѣмъ-нибудь въ разговоръ, незамѣтно увлекается предметомъ бесѣды и по часу стоитъ около двери.

Л. Н. Толстой (1887 г.).

XIX.

Въ столовую начали собираться графиня, дочери, родственницы, пріѣхавшія изъ Кіева, англичанка, француженка, учитель-студентъ, мальчики и ихъ товарищи. Всѣ приходили порознь, выпивали свой кофе или чай и уходили къ своимъ занятіямъ. На ихъ мѣсто являлись другіе, сорили хлѣбныя крошки, оставляли чайникъ недолитымъ, кофейникъ простывшимъ и уходили.

Съ появленіемъ графини Софьи Андреевны порядокъ замѣтно возстанавливался. Потухшій самоваръ начиналъ шумѣть, остывшій кофе подогрѣвался, перестоявшійся чай замѣнялся свѣжимъ. Софья Андреевна—превосходная хозяйка, внимательная, обходительная, хлѣбосольная. Ѣстся и спится въ Ясной Полянѣ, какъ дома.

Все сложное и хлопотливое дѣло по хозяйству и по управленію дѣлами находится на попеченіи Софьи Андреевны. Она неутомима и всюду вноситъ свою живую энергію, домовитость и распорядительность. Кучеръ не даромъ говорилъ, что графиня «страсть какъ порядокъ любитъ». Стóитъ ей уѣхать по дѣламъ на день, на два изъ Ясной Поляны, и сложная машина, называемая «домомъ», уже начнетъ поскрипывать и давать перебои.

Помощниковъ у графини нѣтъ. Старшіе три сына живутъ отдѣльно, и каждый занятъ своимъ дѣломъ. У дочерей свои дѣла и обязанности, берущія у нихъ безъ остатка все ихъ время. Особенно много работаетъ за послѣднее время старшая дочь Л. Н. Толстого, Татьяна Львовна, дѣвушка, выдающаяся по своимъ дарованіямъ. Кромѣ спѣшной переписки статей отца, она еще ведетъ его огромную корреспонденцію.

Отвѣчать собственноручно на всѣ письма, которыя получаетъ Левъ Николаевичъ Толстой, онъ не можетъ, если бы даже у него было 4 руки. Писемъ получается множество со всѣхъ концовъ міра и на всевозможныхъ языкахъ.

Кто только не обращается къ нему съ привѣтствіемъ, съ сочувствіемъ, съ мучительными запросами и обвиненіями? Русская и французская молодежь, американцы, голландцы, поляки,

англичане, баронесса Берта Суттнеръ и набожный браминъ изъ Индіи, умирающій Тургеневъ и мечущійся, какъ раненый звѣрь, разбойникъ Чуркинъ.

Какъ велика корреспонденція у Л. Н. Толстого, можно судить по тому, что одна только переписка по поводу голоднаго года занимаетъ цѣлый шкапъ. Письма хранятся у Толстыхъ по-заграничному—съ конвертами, въ которыхъ получены, и рѣдкое письмо остается безъ отвѣта.

Послѣ кофе всѣ поспѣшно разошлись по своимъ дѣламъ и залъ опустѣлъ. Я отправился внизъ въ библіотеку, которая вмѣстѣ съ другой смежной комнатой отводится для гостей.

Комната эта убрана просто, но со вкусомъ; въ ней очень уютно и чувствуешь себя, какъ дома. На стѣнѣ висятъ семейные портреты, затѣмъ Диккенса, Шопенгауера, Тургенева, Е. Ковалевскаго и другихъ. Посрединѣ стѣны, въ нишѣ, стоитъ небольшой мраморный бюстъ любимаго брата Льва Николаевича, графа Николая Толстого, о которомъ я уже говорилъ. Нижнюю гостиную отдѣляетъ отъ библіотеки деревянная желтая перегородка съ перекладиной, внушавшей когда-то Л. Н. Толстому мысли о самоубійствѣ въ періодъ его духовныхъ скитаній.

Библіотека въ Ясной Полянѣ.

Одна стѣна въ библіотекѣ занята преимущественно авторскими подношеніями. И какихъ только нѣтъ тутъ посвященій! И въ прозѣ, и въ стихахъ, и по-итальянски, и по-сербски и напыщенныя, и скромныя—всякія.

Черезъ одну комнату отъ библіотеки находится кабинетъ Льва Николаевича, представляющій небольшую комнату съ некрашенымъ поломъ, сводчатымъ потолкомъ и толстыми каменными стѣнами. Прежде здѣсь была кладовая, и на потолкѣ до сихъ поръ еще чернѣютъ толстыя желѣзныя кольца, на которыхъ въ оно время висѣли окорока, а впослѣдствіи Левъ Николаевичъ дѣлалъ гимнастическія упражненія.

Въ кабинетѣ тихо и прохладно, какъ въ погребѣ. Убранство ясно-полянскаго кабинета отличается отъ московскаго тѣмъ, что здѣсь находятся различные инструменты для работъ: коса, пила, щипцы, напилки и пр. Сначала все это кажется «суетой», но когда поживешь въ деревнѣ, то убѣждаешься, что все это крайне необходимо; и непремѣнно надо все самому умѣть дѣлать, чтобы не попадать постоянно въ зависимое и безпомощное положеніе.

Кабинетъ Л. Н. Толстого въ Ясной Полянѣ.

XX.

Въ 3-мъ часу въ библіотеку заглянулъ Левъ Николаевичъ и предложилъ мнѣ пройтись предъ обѣдомъ. Лицо у него было усталое, со впалыми щеками, но оживленное. Глаза блестѣли еще не остывшимъ жаромъ возбужденной мысли. Видно было, что работалось ему хорошо. По случаю свѣжей погоды онъ былъ въ какой-то поношенной драповой пелеринкѣ и въ суконной шапочкѣ домашняго издѣлія. Но издѣлія эти очень ему не шли, и съ ними можно было примириться только ради ихъ удобствъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько минутъ уже казалось, что именно въ такомъ нарядѣ онъ и долженъ быть.

Едва показался Левъ Николаевичъ, какъ отъ *дерева бѣдныхъ* отдѣлилось нѣсколько и приблизились къ крыльцу.

— Здравствуйте. Въ чемъ дѣло?—спросилъ Левъ Николаевичъ спокойно, но отрывистымъ, дѣловымъ тономъ, кладя подъ мышку палку и разворачивая поданную ему однимъ мужикомъ бумагу.

Тотъ началъ нескладно излагать какое-то тяжебное дѣло

Левъ Николаевичъ нѣкоторое время слушалъ его сосредоточенно, повторяя:

— Такъ, такъ.

Затѣмъ, видимо, составивши себѣ ясное понятіе о томъ, что именно нужно мужику, онъ сунулъ бумагу въ карманъ и обѣщалъ сдѣлать все, что нужно, т.-е. написать апелляціонную жалобу.

Другой мужикъ, небольшого роста, невзрачный, съ бѣгающими глазами, держалъ за руку блѣднаго, золотушнаго мальчика и напряженно поглядывалъ на него. Видимо, мальчикъ долженъ былъ по составленной программѣ разжалобить чѣмъ-то Льва Николаевича. Но мальчикъ конфузился и упирался. Левъ Николаевичъ спросилъ мужика, что ему нужно. Тотъ началъ поспѣшно говорить вообще о затруднительномъ житьѣ, затѣмъ свелъ рѣчь на крайнюю нужду въ лѣсѣ. Левъ Николаевичъ обѣщалъ собрать справки насчетъ лѣса и помочь просителю въ этомъ дѣлѣ. Подошли два парня въ широкихъ шароварахъ, съ смуглыми лицами и южнымъ выговоромъ. Они землекопы и работаютъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ясной Поляны. Прослышали о «хорошемъ баринѣ» и пришли за книжками.

— За какими книжками?—спрашиваетъ Левъ Николаевичъ?

Одинъ изъ парней въ вышитой сорочкѣ непринужденно говоритъ, что имъ нужны хорошія книжки—для чтенія и особенно хотѣлось бы почитать книжку *Божій міръ*.

Левъ Николаевичъ говоритъ, что у него нѣтъ такой книжки. Но парень увѣряетъ, что должна быть, потому что одинъ изъ землекоповъ говорилъ о ней. Левъ Николаевичъ идетъ въ кабинетъ и находитъ сборникъ всякихъ научныхъ свѣдѣній подъ общимъ названіемъ *Тайны и чудеса Божьяго міра*. Онъ даетъ эту книгу и проситъ вернуть въ цѣлости. Парень съ любопытствомъ перелистываетъ книгу и обнадеживаетъ Льва Николаевича, чтобы онъ былъ покоенъ. Мы хотимъ уже итти, но изъ-за дома показывается мужская фигура въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и въ поношенномъ пальто. Видъ незнакомца не внушаетъ довѣрія. Онъ издали театрально раскланивается и театральнымъ жестомъ вынимаетъ изъ кармана бумагу.

— Удостовѣреніе въ моей личности...

— Не надо... не надо этого,—поспѣшно говоритъ Левъ

Николаевичъ, бросаетъ быстрый взглядъ на незнакомца и скрывается въ подъѣздѣ.

Черезъ минуту онъ возвращается и, стараясь не смотрѣть на просителя, суетъ ему что-то въ руку. Тотъ благодаритъ, но, видимо, полученное не удовлетворяетъ его. Тогда онъ вынимаетъ изъ кармана еще одну бумагу.

— Вотъ свидѣтельство, ваше сіятельство...

— Я далъ вамъ, что могъ, и больше не могу,—говоритъ съ страдальческою ноткой Левъ Николаевичъ.

И мы направляемся чрезъ садъ. Но намъ перерѣзываетъ путь мужичонко съ золотушнымъ мальчикомъ. Левъ Николаевичъ останавливается.

— Что тебѣ?

Мужикъ толкаетъ впередъ мальчика. Мальчикъ мнется и, смущаясь и растягивая слова, неловко обращается ко Льву Николаевичу:

— Да-аай... жере-бе-ночка...

Мнѣ дѣлается неловко, и я не знаю, куда глядѣть.

Левъ Николаевичъ пожимаетъ плечами.

— Какого жеребеночка? Что за глупость! У меня нѣтъ никакого жеребеночка.

— Нѣтъ есть,—заявляетъ мужичонко и съ быстротою выдвигается впередъ.

— Ну, я ничего этого не знаю. Иди съ Богомъ!—говоритъ Левъ Николаевичъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, легко перепрыгиваетъ чрезъ канаву.

Мы быстрымъ шагомъ идемъ въ поле, сначала по ржанищу, а потомъ по низинамъ, весело сіявшимъ на солнцѣ своею сочною зеленью.

Левъ Николаевичъ началъ разспрашивать меня о моей жизни въ деревнѣ. Разговоръ переходитъ на воспитаніе дѣтей. Л. Н. Толстой противникъ существующихъ учебныхъ заведеній и считаетъ, что они гораздо больше отнимаютъ у дѣтей, чѣмъ даютъ имъ. Въ шутку онъ привелъ слова одного своего пріятеля, который воспитываетъ сына дома и всегда говоритъ, что если изъ его сына и выйдетъ дуракъ, то по крайней мѣрѣ хоть не набитый, какъ изъ гимназій.

Но меня наиболѣе занимаетъ самъ Левъ Николаевичъ и его жизнь. Что онъ работаетъ? Какъ живетъ? Каковы его отношенія къ народу и особенно къ тѣмъ Макаровымъ и Морозовымъ, которые когда-то составляли знаменитую литературную фирму—«Макарова, Морозова, Толстова»? И я свожу разговоръ на эти темы.

Левъ Николаевичъ, быстро скользя по мягкой, какъ коверъ, землѣ, говоритъ, что чувствуетъ себя очень хорошо, намедни только прихворнулъ немного своимъ обычнымъ недугомъ—печенью. Занятъ въ данное время одною сложною работой, захватившей его всецѣло. Его интересуетъ ясное опредѣленіе тѣхъ трехъ ступеней, по которымъ неминуемо долженъ двигаться къ совершенству духъ человѣка. И Левъ Николаевичъ началъ съ одушевленіемъ развивать основные тезисы своей работы:

Первая ступень есть борьба съ ложнымъ міросозерцаніемъ. Съ этого надо начинать.

Вторая ступень—борьба съ соблазномъ, т.-е. съ явленіями, вызывающими уродливую жизнь, и, наконецъ,

Третья ступень—борьба съ грѣхами.

Отъ борьбы съ уродливыми явленіями разговоръ самъ собою перешелъ на печальныя стороны жизни нашего народа, и я спросилъ Льва Николаевича о ясно-полянскихъ мужикахъ, что они за люди.

— Мужики, какъ мужики,—сказалъ онъ,—не особенно лучше и, вѣроятно, не особенно хуже другихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ у меня издавна установились добрыя, любовныя отношенія и сохраняются до сихъ поръ. Другіе же—и большинство такихъ—смотрятъ на меня, какъ на рогъ изобилія и только. Да и можно ли требовать отъ нихъ иныхъ отношеній? Вѣдь жизнь ихъ и взгляды слагались вѣками подъ вліяніемъ множества неотразимыхъ условій. И развѣ можетъ одинъ человѣкъ измѣнить все это?

Мы вышли на дорогу и встрѣтили нищую старуху, которая плелась въ Ясную Поляну. Увидавъ Льва Николаевича, она остановилась. Онъ поговорилъ съ нею о ея житьѣ-бытьѣ, далъ ей милостыню, и мы опять свернули съ дороги въ поле. Левъ Николаевичъ только на минуту прерывалъ разговоръ и, оглядываясь кругомъ, любовался золотистымъ уборомъ осени.

Вдругъ въ прозрачномъ воздухѣ со стороны усадьбы послышался продолжительный настойчивый звонокъ.

— Это уже къ обѣду звонятъ,—сказалъ Левъ Николаевичъ и ускорилъ шаги, не прекращая, однако, бесѣды.

Мы пошли напрямикъ, перепрыгивая чрезъ вымоины и лужи, образовавшіяся послѣ дождя. Я впервые совершалъ такую форсированную прогулку со Львомъ Николаевичемъ и невольно удивлялся той эластической легкости, съ которой онъ преодолѣвалъ всякія препятствія. Онъ какъ бы не шелъ, а скользилъ по землѣ, не дѣлая, видимо, особенныхъ напряженій. Я мысленно сравнивалъ его съ извѣстными мнѣ писателями, которые были гораздо моложе его, и они рисовались мнѣ развалинами въ сравненіи съ нимъ по своей физической и душевной изношенности: столько въ немъ еще жару и силъ!

И неудивительно, почему Ц. Ломброзо, побывавъ въ Ясной Полянѣ, говорилъ потомъ, что Л. Толстой по свѣжести своихъ силъ годится ему въ сыновья, а Л. Н. Толстой потомъ называлъ въ шутку Ломброзо «милымъ старикашкой», хотя послѣдній гораздо моложе Льва Николаевича. Не безынтерссенъ одинъ эпизодъ изъ пребыванія Ц. Ломброзо въ Ясной Полянѣ. Пошли они купаться. Левъ Николаевичъ спрашиваетъ Ц. Ломброзо, умѣетъ ли онъ плавать. Тотъ говоритъ, что умѣетъ, смотритъ на Льва Николаевича и продѣлываетъ съ точностью все, что дѣлаетъ послѣдній. Л. Н. Толстой взлѣзъ на наружную доску, бросился въ воду и поплылъ. Ц. Ломброзо за нимъ.

— Но оборачиваюсь я назадъ, — говоритъ Левъ Николаевичъ,—и вижу, барахтается мой старичокъ въ водѣ и что-то ничего у него не выходитъ.

Л. Н. помогъ ему выйти. Ломброзо запыхался, но въ восторгѣ отъ купанья. Чтобы согрѣться послѣ купанья, Левъ Николаевичъ поднялся нѣсколько разъ на мускулахъ. Ломброзо тоже повисъ на перекладинѣ, но подняться, однако, не могъ... Своимъ пріѣздомъ онъ доставилъ Л. Н. Толстому значительное удовольствіе.

— Я, — говорилъ впослѣдствіи Л. Н.,—представлялъ его инымъ—фанатикомъ науки. Онъ вовсе не таковъ.

Домъ гр. Толстыхъ въ Ясной Полянѣ.

XXI.

Когда мы подошли къ дому, большой колокольчикъ, привязанный къ сухой вѣткѣ *дерева бѣдныхъ*, настойчиво прозвонилъ 2-й разъ. Было 3 часа. Мы пришли какъ разъ во-время. Вслѣдъ за нами появился слуга съ суповою чашкой въ рукахъ.

Длинный столъ быстро заполнился многочисленною семьей Льва Николаевича, и графиня Софья Андреевна одобрительнымъ взглядомъ встрѣтила нашъ своевременный приходъ.

Она заняла такъ называемое хозяйское мѣсто, т.-е. въ концѣ стола, чтобы видѣть все и всѣхъ. Около нея съ правой стороны сѣлъ Левъ Николаевичъ, рядомъ съ нимъ старшая дочь, Татьяна Львовна. Этотъ порядокъ сохраняется за обѣдомъ всегда и вездѣ.

Левъ Николаевичъ и двѣ его старшія дочери не ѣдятъ мясной пищи и имъ подаются отдѣльныя блюда. Роль хозяйки въ вегетаріанскомъ уголкѣ часто выполняетъ Левъ Николаевичъ. Онъ разливаетъ жидкую овсянку по тарелкамъ и радушно подкладываетъ во время обѣда гостямъ-вегетаріанцамъ то одного кушанья, то другого.

Онъ убѣжденный вегетаріанецъ и уже много лѣтъ не ѣстъ ни мяса, ни рыбы, придавая очень большое значеніе растительной пищѣ какъ съ физіологической стороны, такъ и съ этической. И, конечно, самъ онъ могъ бы служить краснорѣчивѣйшимъ образцомъ превосходства растительной пищи предъ мясною, если бы только можно было доказать, что тѣ добрыя силы, которыми онъ располагаетъ, зависятъ, главнымъ образомъ, отъ растительной пищи. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ серьезный. И человѣкъ, питающійся исключительно растительною пищей и въ то же время могущій на семидесятомъ году жизни исполнять настоящимъ образомъ крестьянскія полевыя работы, ѣздить по нѣсколько десятковъ верстъ на велосипедѣ, играть по цѣлымъ часамъ въ *лаунъ-теннисъ* или бѣгать съ мальчиками взапуски, — такой человѣкъ имѣетъ значительное право говорить о преимуществахъ растительной пищи.

Графиня Софья Андреевна, напротивъ, относится къ вегетаріанству отрицательно и только терпитъ его въ домѣ, какъ своего рода крестъ. Но надо отдать справедливость ея безпристрастію: и мясной столъ, и растительный въ Ясной Полянѣ, очень вкусны, питательны и разнообразны.

Левъ Николаевичъ, во многихъ отношеніяхъ напоминающій собою русскаго крестьянина, ѣстъ, однако, не какъ русскій крестьянинъ — съ ихъ медлительностью и разстановкою, а быстро и торопливо, точно спѣшитъ отдѣлаться поскорѣе отъ непріятной обязанности.

Послѣ перваго блюда, которымъ онъ притупилъ остроту своего голода, Левъ Николаевичъ началъ заводить разговоръ то съ однимъ, то съ другимъ изъ присутствующихъ, придавая самой незначительной бесѣдѣ тотъ особенный содержательный интересъ, который онъ умѣетъ сообщать всему. Его юмористическія замѣчанія часто вызывали раскаты смѣха, особенно громкіе на другомъ концѣ стола, гдѣ всегда группируется самая зеленая молодежь. Иногда, разсказывая о чемъ-нибудь и заслышавъ смѣхъ въ сторонѣ молодежи, Левъ Николаевичъ прерывалъ свой разсказъ и переносилъ туда вниманіе. Но непремѣнно онъ ужъ обходилъ въ теченіе обѣда своимъ зоркимъ взгля-

домъ всѣхъ и съ каждымъ перебрасывался хоть нѣсколькими словами.

Пили за столомъ у Толстыхъ домашній хлѣбный квасъ, холодное молоко и содовую воду.

Сейчасъ же послѣ обѣда Левъ Николаевичъ возбудилъ вопросъ о прогулкѣ въ лѣсъ и началъ торопить дамъ. Онъ бываетъ нетерпѣливъ въ подобныхъ случаяхъ и не любитъ долгихъ сборовъ. Но кто-то предложилъ, пока всѣ соберутся, сыграть партію въ лаунъ-теннисъ. Левъ Николаевичъ охотно соглашается.

И черезъ минуту на утрамбованной четырехугольной площадкѣ предъ домомъ уже мелькаютъ мужскія и женскія фигуры, взмахивая ракетами и выкрикивая съ оттѣнкомъ задора: «плэ!» «аутъ!» и т. п.

Лаунъ-теннисъ, какъ извѣстно, одна изъ самыхъ завлекательныхъ игръ, требующая зоркости, ловкости и напряженія отъ всякаго мускула. И понятно, почему Левъ Николаевичъ питаетъ къ этой игрѣ пристрастіе: она даетъ значительную работу его мышцамъ. Играетъ онъ горячо и съ огнемъ, но не теряя самообладанія. Эта постоянная работа надъ собою чувствуется даже и при игрѣ въ лаунъ-теннисъ.

Однажды онъ даже уступилъ свою ракету другому игроку во время самой интересной партіи. Впрочемъ, это былъ исключительный случай.

XXII.

Во время утренняго купанья, поднимаясь на мускулахъ, онъ какъ-то оборвался и упалъ между досками купальни, причинивъ себѣ значительныя поврежденія груди и спины. Все это произошло такъ быстро, что ни докторъ, находившійся при этомъ, ни я не успѣли даже опомниться отъ испуга и притти на помощь Льву Николаевичу. Онъ самъ вылѣзъ изъ щели и недоумѣвающе посматривалъ кругомъ, не понимая, какъ все это случилось. Правая сторона груди и спина у него покрылись

Площадка для лаунъ-тенниса въ Ясной Полянѣ.

багровыми пятнами. Докторъ, укоризненно покачивая головой, началъ массажировать ушибленныя части и спрашивать о степени боли.

Л. Н. Толстой терпѣливо стоялъ съ продрогшимъ отъ холодной воды тѣломъ и повторялъ съ улыбкой:

— Ничего себѣ... немножко больно.

— А здѣсь?

— И здѣсь какъ будто побаливаетъ... И какъ это могло произойти? — спросилъ онъ недоумѣвающе и какъ бы извиняясь предъ докторомъ и предо мной за непріятную сцену.

Между тѣмъ, по мнѣнію доктора, Левъ Николаевичъ долженъ былъ испытывать въ это время жгучую боль. Продрогши на воздухѣ, онъ началъ быстро одѣваться, совѣтуя намъ итти впередъ, потому что онъ пойдетъ быстро, чтобы согрѣться. Мы, разумѣется, не послѣдовали его совѣту.

Одѣвшись и накинувъ на шею полотенце, онъ дѣйствительно пустился стремительно въ гору, не взирая на предостереженія доктора, что въ данное время всякія рѣзкія движенія не годятся. Мы еле поспѣвали за нимъ. Особенно трудно было доктору, который отличался нѣкоторою тучностью и страдалъ одышкой. Замѣтивъ это, Левъ Николаевичъ умѣрилъ свои шаги и заговорилъ по поводу полученнаго имъ намедни письма отъ одного польскаго графа, соблазнявшаго его польскимъ патріотизмомъ. Приведши содержаніе письма, Левъ Николаевичъ сказалъ:

— Какъ часто въ политическихъ дѣлахъ шашки смѣшиваются! И надо большую осторожность, чтобы не очутиться въ ложномъ положеніи. Часто люди, не имѣющіе никакой внутренней связи между собою, идутъ рука объ руку, подъ однимъ флагомъ,—подъ флагомъ общей ненависти. Какой это жалкій союзъ! И какое непониманіе, что только любовь можетъ цементировать людей и давать имъ истинную силу...

И Левъ Николаевичъ продолжалъ говорить о любви, какъ о необходимомъ элементѣ всякаго союза. Когда мы пришли въ столовую, онъ быстро съѣлъ свою утреннюю овсянку, пробѣжалъ наскоро англійскую газету *The Daily chronicle*, налилъ

на дорогу полчашки кофе съ миндальнымъ молокомъ и, извинившись, поспѣшно ушелъ къ себѣ.

— А вѣдь ему должно быть теперь адски больно, — сказалъ докторъ, одобрительно кивая головой въ сторону Льва Николаевича.

Вышелъ въ этотъ день Левъ Николаевичъ только къ обѣду и все время былъ такъ оживленно-веселъ, что никто не сказалъ бы, что у него спина и часть груди представляютъ сплошной синякъ. Послѣ обѣда докторъ началъ настаивать, чтобы еще разъ промассажировать ушибленныя мѣста.

— Ну, пожалуй!—сказалъ Левъ Николаевичъ, видимо не желая огорчить отказомъ доктора, и повелъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Обнаживъ ушибленныя мѣста, докторъ покачалъ головой. Часть груди и спины приняла багрово-чугунный цвѣтъ съ радужнымъ отливомъ. Докторъ намазалъ руку вазелиномъ и началъ деликатно водить по тѣлу, какъ бы выжимая боль изъ пораненныхъ участковъ кожи. Левъ Николаевичъ лежалъ неподвижно, не переставая говорить, и очень одобрялъ работу доктора.

— Какъ хорошо вы это дѣлаете!

Но докторъ имѣлъ строгій видъ и упорно, въ ритмъ съ движеніемъ руки, повторялъ:

— Теперь главное—надо избѣгать усиленныхъ движе-э-эній, главное—надо дать покой встревоженнымъ тка-анямъ...

Левъ Николаевичъ не возражалъ.

Но когда черезъ полчаса докторъ пришелъ къ площадкѣ для лаунъ-тенниса, то въ числѣ играющихъ увидѣлъ и Льва Николаевича, который съ живостью размахивалъ ракетой. Докторъ грузно сѣлъ на скамью и безнадежно махнулъ рукой. Левъ Николаевичъ встрѣтился съ его недовольнымъ взглядомъ и поспѣшно передалъ свою ракету.

— Не буду, не буду больше, — сказалъ онъ виноватымъ тономъ и подошелъ къ доктору.

XXIII.

Графиня Софья Андреевна окончила всѣ свои распоряженія по хозяйству и появилась около площадки съ другими дамами.

Левъ Николаевичъ началъ торопить играющихъ, и черезъ нѣсколько минутъ компанія душъ въ 12 направилась напрямикъ черезъ паркъ. Руководилъ экскурсіей Левъ Николаевичъ. Мы спускались внизъ, поднимались въ гору, пробирались сквозь чащу, переходили по перекладинамъ черезъ воду. Левъ Николаевичъ былъ веселъ, оживленъ, разговорчивъ; онъ помогалъ дамамъ въ затруднительныхъ положеніяхъ и даже придумалъ для одной дамы нѣчто въ родѣ подъемной машинки: онъ упиралъ сзади въ ея поясъ ручку своей палки и значительно облегчалъ этимъ ей подъемъ.

Когда мы вышли, наконецъ, на открытое мѣсто, предъ нами открылась довольно живописная картина съ желтѣющими группами деревьевъ, эффектно освѣщенными лучами заката. Кое-гдѣ выступали стройныя темно-зеленыя елки, отчетливо вырисовывавшіяся на золотистомъ фонѣ осенней листвы. Мы завернули на лѣсные питомники, осмотрѣли ихъ и взяли путь на шоссе. Левъ Николаевичъ всѣмъ интересовался, со всякимъ вступалъ въ бесѣду и со всѣми встрѣчными дружески здоровался, не ожидая, пока ему поклонятся. Мы прошли въ общемъ верстъ около 7-ми. Къ концу прогулки всѣ почувствовали легкое утомленіе и жажду.

Въ столовой уже кипѣлъ самоваръ и весело блестѣли чашки. Левъ Николаевичъ взялъ новую, только что полученную книжку *Revue de Paris* и пошелъ къ себѣ въ кабинетъ. Полуприлечь послѣ хорошей прогулки съ новой, еще не разрѣзанной книжкой въ рукахъ для него истинное наслажденіе.

Стало вечерѣть. На чайный столъ подали свѣчи. На другой столъ, круглый, стоящій въ углу, поставили лампу съ абажуромъ. Софья Андреевна разложила для сушки отпечатанные ею фотографическіе снимки, которые она сдѣлала днемъ, затѣмъ взяла въ руки шитье и присѣла къ круглому столу, низко наклонивъ лицо къ работѣ. Она всегда съ какой-нибудь

работой и постоянно что-нибудь шьетъ или перешиваетъ для Льва Николаевича, или для своей меньшой дочери, или для кого-нибудь изъ дворни. Старшія дочери разошлись по своимъ комнатамъ. Меньшая, одиннадцатилѣтняя Саша сидѣла у стола и играла въ шахматы съ пріѣзжимъ гимназистомъ. Два мальчика въ тужуркахъ играли въ комнатный воланъ, подзадоривая другъ друга самыми унизительными для игроцкаго самолюбія выраженіями, въ родѣ того, что «вамъ бы, господинъ, еще въ куклы играть, а не въ воланъ». «Вы бы, сеньоръ, прежде научились хоть ракету въ рукахъ держать, а потомъ уже рѣшались играть съ людьми, которые...» и т. д.

Л. Н. Толстой въ Ясной Полянѣ въ саду.

Большой залъ съ темными квадратами старинныхъ портретовъ тонетъ въ полусвѣтѣ. Нѣкоторые предметы сливаются въ своихъ очертаніяхъ. По угламъ бѣлѣютъ гипсовые бюсты Льва Николаевича: одинъ — работы художника Ге, другой—И. Рѣпина. Около стѣны темнѣетъ длинный силуэтъ большого рояля съ неясными очертаніями лежащихъ на немъ нотъ, балалаекъ и мандолины. На столахъ вездѣ книги, журналы, иллюстраціи.

Вдругъ слышатся быстрые, шаркающіе шаги и, скрипя по лѣстницѣ, поспѣшно входитъ въ залъ Левъ Николаевичъ съ французскою книжкой въ рукѣ. Лицо у него возбуждено.

— Какіе ужасы творятся въ Турціи! Господи, и когда это все уже кончится? Таня, Маша, идите сюда! Послушайте, что дѣлается въ Арменіи,—говоритъ Левъ Николаевичъ такъ громко, чтобы его могли услышать черезъ двѣ комнаты.

Игры прекращаются. Въ залѣ появляются двѣ старшія дочери Льва Николаевича. Всѣ усаживаются вокругъ стола съ лампой, и Левъ Николаевичъ начинаетъ читать о сасунскихъ ужасахъ, прерывая чтеніе различными замѣчаніями, чтобы справиться съ охватывающимъ его волненіемъ. Читаетъ Левъ Николаевичъ превосходно. Но драматическія сцены не по его средствамъ. Обладая необыкновенною остротой художественнаго чутья, онъ уже заранѣе, какъ бы за цѣлую версту, угадываетъ надвигающійся ужасъ драмы, и голосъ его, помимо его воли, спазматически сдавливается.

Описаніе сасунскихъ звѣрствъ производитъ на всѣхъ глубокое впечатлѣніе. При чтеніи нѣкоторыхъ сценъ Левъ Николаевичъ откидывается отъ книги и говоритъ съ волненіемъ:

— Какъ это ужасно!

Нѣкоторое время разговоръ вращается исключительно на сасунской рѣзнѣ. Слуга приноситъ почту, которая, однако, не производитъ здѣсь никакой сенсаціи, потому что получается съ трехъ станцій и всегда въ изобиліи. На имя Льва Николаевича получена цѣлая пачка писемъ, повѣстокъ и телеграммъ. Онъ вскрываетъ ихъ и однѣ отодвигаетъ въ сторону, другія оставляетъ и прочитываетъ вслухъ, при чемъ если письмо написано на какомъ-нибудь изъ иностранныхъ языковъ, то при гостяхъ читаетъ его сразу по-русски съ нѣкоторыми только замедленіями.

Нѣмецкій журналистъ пишетъ Льву Николаевичу горячее письмо по поводу одной изъ его статей. Англичанинъ К. сообщаетъ изъ Лондона цѣлую кучу политическихъ и литературныхъ новостей. Разговоръ переходитъ на англійскую литературу.

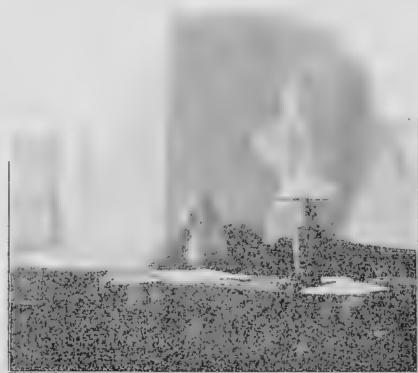
Въ 10 часовъ начали накрывать на столъ для ужина. Левъ Николаевичъ хотя и говорилъ съ оживленіемъ и былъ привѣтливъ со всѣми, но въ лицѣ его какъ бы застыло что-то, и въ голосѣ его уже ни разу не прорывалась веселая нотка.

За чтеніемъ.

Л. Н. Толстой, Татьяна Львовна, Марья Львовна, Софья Андреевна.

Онъ сыгралъ партію въ шахматы, но это не разсѣяло его. Во время ужина внизу послышались громкіе голоса и появились новые гости, хорошіе знакомые Толстыхъ, пріѣхавшіе изъ Москвы. Они привезли съ собою цѣлый ворохъ самыхъ животрепещущихъ новостей. Левъ Николаевичъ былъ очень радъ гостямъ, дружески бесѣдовалъ съ ними, но въ лицѣ его все-таки было что-то какъ бы притаившееся и грустное. Описаніе человѣческихъ страданій въ Арменіи, очевидно, оставило тяжелый осадокъ въ его душѣ.

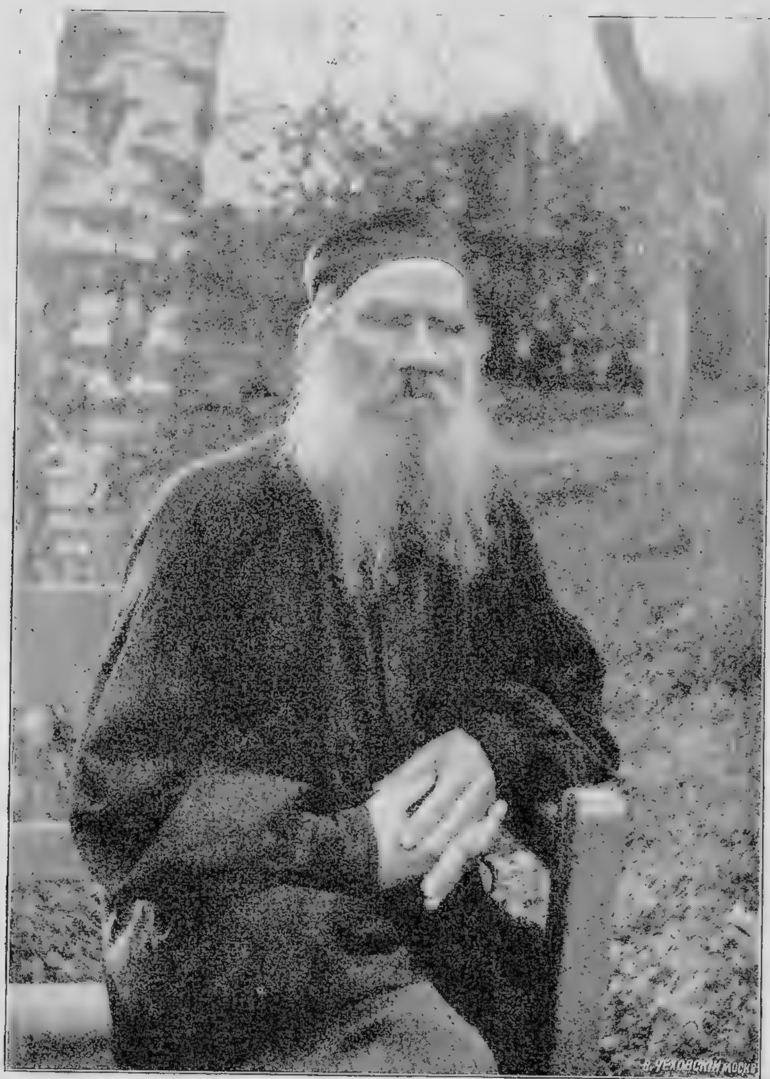

На другой день съ утра опять начали появляться разные просители и посѣтители. Изъ Тулы пріѣзжалъ какой-то офицеръ съ блѣднымъ нервнымъ лицомъ, послѣ него какая-то дама въ траурѣ. Левъ Николаевичъ ихъ принялъ, но свиданіе продолжалось не долго, всего нѣсколько минутъ. Около *дерева бѣдныхъ* опять ждали Льва Николаевича крестьяне, прохожіе, старики и старухи съ различными просьбами. Онъ опять сдѣлалъ для каждаго, что могъ. Съ почтой опять получилась цѣлая куча писемъ, газетъ, брошюръ, повѣстокъ, телеграммъ съ различными просьбами, запросами и упованіями.

Послѣ обѣда Левъ Николаевичъ поѣхалъ на велосипедѣ въ Тулу къ одному своему пріятелю.

Стало смеркаться. Насъ, нѣсколько человѣкъ пріѣзжихъ, бесѣдовало въ нижней гостиной, что около библіотеки. Послышались быстрые шаги и вошелъ Левъ Николаевичъ. Онъ нагнулся, приглядываясь къ свободному мѣсту, и сѣлъ между нами. Въ голосѣ его была особенная теплота. Это былъ не знаменитый Левъ Толстой, великій писатель и страстный проповѣдникъ, а скорѣе тихій и скромный мытарь, сознающій свои несовершенства и видящій предъ собою только еще первыя ступени той высокой лѣстницы, по которой надо взойти.

На вопросъ его, о чемъ мы бесѣдуемъ, одинъ изъ насъ сказалъ, что мы говорили объ одной обще-знакомой намъ

Л. Н. Толстой (1896).

семьѣ, въ которой тлѣлъ разладъ. Двое изъ присутствующихъ обвиняли жену и выгораживали мужа. Левъ Николаевичъ внимательно выслушалъ и сказалъ:

— Да развѣ мы можемъ полностью предъявлять къ женщинѣ всѣ наши требованія и строго судить ее, сами же подготовляя ее систематически ко всякой неправдѣ? Развѣ мы не цѣнимъ въ ней превыше всего именно то, что относится къ ея полу, и не ради этого беремъ ее себѣ въ жены? И вдругъ хотимъ, чтобы она была нашимъ *другомъ*. Это—фальшь и ложь.

Друга я себѣ буду искать между мужчинами. И никакая женщина не можетъ замѣнить мнѣ друга. Зачѣмъ же мы лжемъ нашимъ женамъ, увѣряя ихъ, что считаемъ ихъ нашими истинными друзьями? Вѣдь это неправда же.

— Но что же намъ дѣлать? Какъ установить миръ въ семьѣ?—спросилъ одинъ изъ насъ.

— Мужчина долженъ взять на себя *всю* тяжесть созданнаго имъ фальшиваго положенія и быть снисходительнымъ къ своей женѣ,—сказалъ съ горячею убѣжденностью Левъ Николаевичъ.— Ни при какихъ условіяхъ, ни ради чего онъ не долженъ лишать жену своей опоры, потому что бракъ для большинства такихъ грѣшныхъ, какъ мы, людей есть возвышеніе. Избирая себѣ въ жены извѣстную женщину, мы какъ бы объявляемъ этимъ всѣхъ остальныхъ женщинъ міра *нашими сестрами*. Въ этомъ и заключается глубокій смыслъ брака. Но если кто можетъ остаться дѣвственнымъ, не искажая своей природы, то какое это должно быть высокое счастіе!

И Левъ Николаевичъ разсказалъ намъ, что онъ зналъ одну чету, которая жила много лѣтъ, сохраняя между собою отношенія брата и сестры. Всегдашняя ровность отношеній между ними такъ плѣняла всегда Льва Николаевича, что однажды онъ написалъ имъ дружеское письмо, въ которомъ особенно горячо привѣтствовалъ жену за чистоту ихъ отношеній. Но на свое письмо онъ получилъ неожиданный отвѣтъ, который, однако, глубоко его растрогалъ. Она искренно написала ему, что при всемъ своемъ восторгѣ отъ его письма, она должна, однако, отклонить отъ себя всѣ похвалы, потому что ея завѣтное желаніе—быть не только подругой, но *и женою своего мужа* и имѣть отъ него дѣтей, но что мужъ ея хочетъ оставаться съ нею въ чистыхъ отношеніяхъ, и пусть будетъ такъ, какъ онъ хочетъ...

При этихъ словахъ голосъ у Льва Николаевича оборвался и онъ заплакалъ.

— Кто же изъ насъ, грѣшниковъ,— сказалъ онъ преодолѣвая свое волненіе, — осмѣлился бы упрекнуть ихъ, если бы они въ концѣ концовъ и сошлись между собою, какъ мужъ и жена? Но уже одно это чистосердечное признаніе изъ устъ

скромной женщины и ея безмятежная покорность волѣ своего мужа—какъ все это прекрасно!

И Левъ Николаевичъ долго еще говорилъ о нравственной сторонѣ брака.

Его горячая вѣра въ торжество высшаго начала въ человѣкѣ, его глубокая увѣренность въ животворной силѣ нравственныхъ идеаловъ, стремленіе къ которымъ таитъ въ себѣ и глубокій смыслъ нашей жизни и цѣлебнѣйшее средство отъ всѣхъ недуговъ, наконецъ, тотъ особенный, захватывающій, толстовскій тонъ, который, какъ туго натянутая струна, звенитъ въ нѣкоторыхъ его произведеніяхъ,—все это здѣсь, въ сумеркахъ, въ интимной бесѣдѣ вполголоса, когда всякое слово пріобрѣтаетъ свой собственный языкъ, имѣло особенную притягательную силу.

Когда насъ позвали къ чаю и мы пошли наверхъ, то, поднимаясь по лѣстницѣ, испытывали такое чувство, какъ будто у насъ начали вырастать крылья. И наши жизненныя ноши уже не казались намъ слишкомъ тяжелыми.

И весь этотъ памятный вечеръ принялъ затѣмъ какой-то особенный элегическій характеръ. Нѣкоторые изъ насъ уѣзжали въ 12 часовъ ночи и намъ грустно было покидать ту кровлю, подъ которой было пережито столько незабвенныхъ впечатлѣній.

Послѣ чаю возникъ общій разговоръ о музыкѣ, о поэзіи, о стихахъ. Одна изъ родственницъ Толстыхъ прочла своеобразною, пѣвучею дикціей нѣсколько новомодныхъ стихотвореній въ символическомъ духѣ—съ «лиловыми звуками» и «ноющими ароматами». Левъ Николаевичъ стоялъ у рояля, засунувъ руку за поясъ блузы, и съ улыбкою слушалъ чтеніе; когда чтеніе кончилось, онъ засмѣялся и сказалъ:

— Ужъ если набирать въ ротъ всякія звучныя слова и потомъ выпускать ихъ, то вы читайте хоть Фета. У него все-таки есть и поэзія и вкусъ.

И, поднявши немного голову, точно желая вызвать въ памяти что-то полузабытое, Левъ Николаевичъ выразительно прочиталъ одно изъ Фетовскихъ стихотвореній, въ которомъ поэтъ сравниваетъ звѣздное небо съ опрокинутою урной.

Начали говорить о Фетѣ.

Графиня Софья Андреевна хотѣла вспомнить одно изъ его стихотвореній, посвященное ей и положенное на музыку, но не могла.

Левъ Николаевичъ сѣлъ за рояль и легкимъ, свободнымъ пріемомъ сыгралъ этотъ романсъ. Къ роялю подошла въ узорчатомъ шушунѣ старшая дочь Толстыхъ, Татьяна Львовна, и спросила отца, не пожелаетъ ли онъ ей аккомпанировать. Онъ охотно согласился. Она взяла въ руки мандолину, оперлась о рояль, и они начали играть стройно и согласно, представляя собою завидную группу для художника.

Послѣ музыки Левъ Николаевичъ подходилъ къ гостямъ и дружественно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ уѣзжающихъ. Въ 11 часовъ къ крыльцу подали «катки», т.-е. длинную бланкарду, на которой можетъ умѣститься человѣкъ 10.

Ночь была ясная и свѣжая. На крыльцо вышла вся семья Толстыхъ, чтобы пожелать уѣзжающимъ счастливаго пути.

Когда катки отъѣхали отъ дома, всѣ, точно по сигналу, обернулись назадъ и долго смотрѣли сквозь чащу деревьевъ на освѣщенныя окна длиннаго дома, въ которомъ протекла бо́льшая часть необыкновенно дѣятельной жизни одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ исторіи человѣчества.

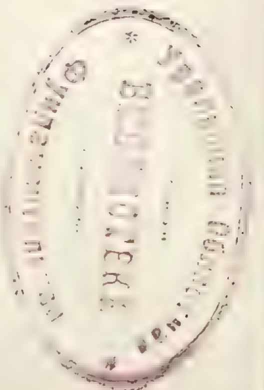

Медаль, выбитая въ Швейцаріи въ честь Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой среди своей семьи въ день семидесятилѣтія
(1898 г. 28 августа).

25 K

